тѣмъ захватывало въ свои энергическія и ловкія руки всю экономическую жизнь закавказскихъ областей, куда оно проникало. Теперь, можно сказать, грузины, недавніе господа армянъ, стали ихъ покорными хотя и невольными данниками. Армянскіе капиталы, армянская торговля и промышленность — безраздѣльно царятъ теперь надъ Грузіею.

---

Бакинская желѣзная дорога несетъ насъ покойно, безъ толчковъ и шума, будто карета на резиновыхъ шинахъ по торцовой мостовой. И это неудивительно, потому что на ровной неохватной глади степей нѣтъ почти ни насыпей, ни выемокъ, шпалы лежатъ чуть не прямо на твердомъ грунтѣ земли.

Однако это не помогло намъ пріѣхать во́-время и досадная семичасовая остановка сдѣлала то, что мы добрались до Баку вмѣсто $6^1/_2$ часовъ вечера въ 2 часа ночи.

---

У меня было рекомендательное письмо къ бакинскому губернатору В. П. Рогге, и я съ утра отправился къ нему, чтобы воспользоваться его авторитетными совѣтами, какъ и что̀ осмотрѣть въ Баку. Домъ губернатора на приморской набережной, самомъ красивомъ и, я думаю, самомъ здоровомъ мѣстѣ города. Передъ нимъ стелется широкая скатерть Каспія съ его далекими островками, съ пестрою и шумною суетою многолюдной Бакинской гавани. При губернаторскомъ домѣ и чуть ли не единственный большой садъ города, служащій мѣстомъ увеселенія и прогулокъ для бакинской публики. Устройство и даже поддержка этого прекраснаго сада стоитъ большихъ денегъ, потому что почва и климатъ Баку какъ-то особенно неудобны для садоводства. Много дорого стоившихъ попытокъ города и частныхъ лицъ — развести въ Баку какую-нибудь растительность окончились полнѣйшею неудачею, и въ общемъ Баку представляетъ удивительно безотрадный видъ города почти безъ деревьевъ и безъ зелени.

В. П. Рогге—былъ сотрудникомъ князя Дондукова-Корсакова

по Болгаріи и перешелъ на Кавказъ вмѣстѣ съ нимъ. Въ Баку онъ губернаторствуетъ уже 3 года. Онъ любезно познакомилъ меня со многими интересовавшими меня сторонами бакинской жизни и серьезно облегчилъ мнѣ обстоятельный осмотръ типическихъ мѣстныхъ производствъ.

Баку—городъ не только настоящаго, но и широкаго будущаго; городъ какой-то американскій, а не русскій; онъ растетъ, какъ въ сказкѣ,—не по днямъ, а по часамъ. Самыя предупредительныя административныя мѣры невольно отстаютъ отъ его быстраго роста, отъ неудержимо нарастающихъ новыхъ потребностей. Возникаютъ на глазахъ новые кварталы, цѣлыя новыя улицы, всякіе склады товаровъ, агентства, товарищества, являются конки, газъ, водопроводъ, иностранцы-предприниматели, купцы промышленники, техники—стремятся въ него вмѣстѣ съ русскими и армянскими капиталистами. Словомъ, Баку дѣлается своего рода Марселемъ Каспійскаго моря, центральнымъ торговымъ портомъ всего восточнаго кавказскаго побережья, царящимъ вмѣстѣ съ тѣмъ и надъ персидскимъ, и надъ туркменскимъ берегами Каспія.

Съ одной стороны — это главный очагъ керосина и нефти, разливающій ихъ по всѣмъ странамъ Европы, Азіи, Африки, по всѣмъ областямъ и городамъ необъятнаго русскаго царства; съ другой стороны, — это вывозной портъ въ Азію, въ русскія закаспійскія и туркестанскія владѣнія для товаровъ Кавказа и Россіи, и ввозный портъ для персидскихъ, индѣйскихъ и центрально-азіатскихъ товаровъ. Сдѣлавшись теперь крайнимъ восточнымъ полюсомъ международной Батумо-Бакинской дороги, онъ отчасти служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и транзитнымъ пунктомъ для товаровъ Европы, направляющихся въ Персію и Туркестанъ.

Вслѣдствіе такого выгоднаго положенія своего на перекресткѣ большихъ путей сообщенія, Баку невольно является и чрезвычайно важнымъ военнымъ пунктомъ. Кавказъ и Россія черезъ него поддерживаютъ военныя сношенія съ нашими Среднеазіатскими владѣніями, такъ что Баку можетъ служить въ нѣкоторомъ

смыслѣ неизбѣжнымъ базисомъ и запаснымъ депо для военныхъ дѣйствій въ Закаспійскомъ и отчасти Туркестанскомъ краѣ...

Для Закавказья онъ есть главная и чуть ли не единственная защита отъ враждебныхъ намъ силъ, могущихъ дѣйствовать съ Каспійскаго моря; только слабость нашей ближайшей сосѣдки Персіи можетъ оправдать отсутствіе въ Баку сильной береговой крѣпости, которая такъ и просится сама собою на гористый Баиловъ мысъ, прикрывающій съ юга своею далеко выдавшеюся косою гавань Баку. Впрочемъ, тамъ только нѣтъ стѣнъ и батарей, а казармы и склады уже заранѣе заняли принадлежащія имъ мѣста. Да и вся вообще мѣстность Баку, и амфитеатръ горъ, по скатамъ котораго онъ расположенъ, и крутые выступы въ море съ сѣверной стороны бухты, за заводами Нобеля, — въ высшей степени подходящи къ устройству сильныхъ укрѣпленій.

Въ персидское владычество и при своихъ татарскихъ ханахъ Баку дѣйствительно былъ всегда важною крѣпостью. Высокія стѣны и башни ея до сихъ поръ уцѣлѣли на большомъ пространствѣ въ самой центральной части города, окружая собою высокій холмъ, увѣнчанный укрѣпленнымъ замкомъ старыхъ хановъ. Я насчиталъ цѣлый десятокъ хорошо сохранившихся круглыхъ башенъ въ одной только той стѣнѣ, которая обращена къ площади; стѣны высотою не менѣе 10-ти аршинъ; сквозь нихъ идутъ въ этотъ Бакинскій кремль своего рода почти рядомъ двое воротъ — Шахъабасскія и Ширванскія. Внутри кремля гауптъ-вахта, русскій соборъ и множество переулочковъ съ магазинами и восточными лавочками, ведущихъ въ характерные крытые базары, что́ гнѣздятся цѣлымъ лабиринтомъ внизу холма. Тутъ можно найти филигранныя издѣлія изъ серебра и бирюзы очень оригинальнаго персидскаго вкуса, и золотыя женскія украшенія, съ разноцвѣтною финифтью замѣчательной красоты. Особенно отличаются своеобразнымъ изяществомъ своей эмали и золотого чекана большія многоярусныя татарскія серьги тюльпанами и колокольчиками.

Мастера-персы торгуютъ и работаютъ заодно тутъ же въ своихъ крохотныхъ шкапчикахъ-лавчонкахъ, они постукиваютъ молоточками на своихъ ручныхъ наковаленкахъ, раздуваютъ свои маленькіе горны, спаиваютъ и куютъ, на глазахъ почтенной публики, постоянно снующей мимо нихъ, постоянно зѣвающей и на ихъ заманчивый товаръ, и на ихъ удивительно ловкую и терпѣливую работу.

Самая нижняя башня крѣпости, близкая къ морю, колоссальной величины, вѣроятно, уже надстроенная и расширенная русскими, обращена теперь въ маякъ, далеке виднѣющійся по ночамъ своими вращающимися огнями каспійскимъ мореходамъ.

Въ старину эта башня, по всей вѣроятности, служила турьмою; называется она «Дѣвичьею башнею», и вотъ какую легенду разсказывали мнѣ про нее: какой-то бакинскій ханъ, жившій давнымъ-давно, влюбился въ собственную дочь и хотѣлъ сдѣлать ее своею наложницею. Но красавицу-татарку никакими соблазнами и угрозами нельзя было склонить на преступную любовь,— и разгнѣванный ханъ приказываетъ, наконецъ, заточить непокорную дочь въ самую высокую изъ своихъ башенъ. Въ отчаяніи она бросается съ высоты ея кровли,—и съ тѣхъ поръ имя «Дѣвичьей башни» укореняется на всегда въ народѣ за темницею погибшей дѣвушки.

Чтобы сколько-нибудь живо представить себѣ то жалкое татарское Баку, которое изъ вѣка въ вѣкъ неподвижно гнѣздилось здѣсь когда-то надъ дремлющимъ Каспіемъ, вмѣсто теперешняго шумнаго и богатаго торговаго города,—нужно проѣхать черезъ лабиринты базарчиковъ, подъ тѣнью поросшихъ вѣниками каменныхъ купольчиковъ и рѣзныхъ дверочекъ старыхъ мечетей—по узкой, улиткой вьющейся, уличкѣ, мимо устій другихъ, ножомъ прорѣзанныхъ, переулочковъ, на самое темя холма, къ запустѣвшему замку-двору исчезнувшихъ теперь хановъ...

Дворецъ окруженъ своей особой стѣною, составляя неприступную серединную цитадель бывшей крѣпости. Безлюдіе и могильная тишина въ его пустынныхъ дворикахъ. Никакой

роскоши, никакого убранства; мрачный каменный замокъ съ крошечными рѣдкими окнами, съ лѣсенками и закоулочками, больше похожъ на тюрьму, чѣмъ на жилище властителя. На стукъ нашъ вышла русская женщина, жена солдата-сторожа, единственнаго обитателя этой царственной башни. Самого сторожа не было дома. Мы пошли лазать вслѣдъ за нею по ступенькамъ и плоскимъ крышамъ покинутаго замка. Онъ былъ разрушенъ во время войны и надстроенъ уже послѣ. Только нижнія комнаты съ высокими острыми сводами, сырыя, безотрадныя, какъ подземелья темницы, а когда-то населенныя шумнымъ многолюдствомъ ханскаго гарема,—уцѣлѣли отъ прежняго дворца. Верхній же этажъ весь новый и совсѣмъ неинтересный, онъ теперь обращенъ въ складъ ненужныхъ декорацій и всякаго хлама изъ городского театра.

Безжалостная насмѣшка судьбы надъ декоративнымъ величіемъ человѣка.

Гораздо любопытнѣе изящнóй круглый павильонъ изъ тесанныхъ камней съ каменнымъ же куполомъ, обнесенный закрытымъ дворикомъ галлерей. Это уже подлинный и цѣльный остатокъ былого. Его мавританскія арочки, двери, колонки, потолки, карнизы украшены красивыми каменными арабесками, въ которыхъ такъ искусны восточные мастера.

Это было публичное судилище хана. Посерединѣ павильона круглая дыра въ каменной плитѣ, черезъ которую, безъ дальнихъ проволочекъ, осужденный тутъ же на глазахъ судей буквально ввергался въ буквальную же темницу. Путеводительница наша увѣряла по крайней мѣрѣ, что подъ всѣмъ дворикомъ стараго судилища подземелье, гдѣ держали заключенныхъ, но ходъ въ него будто бы завалился... Теперь, вмѣсто улемовъ и казіевъ бакинскаго хана, маленькій дворикъ судилища весь зеленѣетъ подсолнухами и разною огородною овощью, благоразумно посѣянною домовитой хозяйкой этого историческаго пустыря, а по гребнямъ его нѣкогда грозныхъ стѣнъ, поросшихъ густою травою, мирно пасутся ея козы.

Къ главному двору замка черезъ разные спуски и проходцы примыкаютъ другіе маленькіе дворики, тоже спрятанные въ стѣнахъ, тоже пустынные, какъ могилы. Впрочемъ, это и дѣйствительныя могилы. Въ верхнѣмъ дворикѣ какія-то очень старинныя усыпальницы, въ видѣ круглыхъ башенокъ съ каменными куполами, темносѣрыя, поросшія бурьянами, опозоренныя теперь складомъ какого-то стараго желѣза. Въ нижнемъ—ханская придворная мечеть и семейный мавзолей хановъ. Маленькая, но красивая мечеть эта господствуетъ стройною колонкою своего минарета надъ всѣмъ городомъ. До послѣдняго времени она была закрыта для мусульманъ и только въ недавній пріѣздъ Государя Императора передана въ даръ городу, къ великой радости бакинскихъ татаръ.

Красивѣйшая постройка замка—это маленькій мавзолей съ его характернымъ персидскимъ купольчикомъ изъ голубого фаянса, тонкою каменною рѣзьбою его передняго фасада и стройностью всѣхъ его архитектурныхъ линій.

Гробницъ тутъ не сохранилось никакихъ, кромѣ одной мраморной съ персидскою надписью, брошенной на улицѣ, передъ наружными воротами замка и, вѣроятно, выкинутой изъ ограды дворца во время бывшаго здѣсь нѣкогда разрушенія...

Въ ханскій дворецъ слѣдуетъ непремѣнно забраться уже для того одного, чтобы полюбоваться съ его плоскихъ крышъ картиною города и моря; мы взлѣзли, конечно, на эту каменную террасу, вѣнчающую собою высокія башни замка. Даже полумѣсяцъ ханскаго минарета виденъ отсюда нѣсколько внизу, а городъ можно изучать во всѣхъ подробностяхъ, какъ по огромной картѣ,—всѣ его кварталы и переулочки, и примыкающій къ нему своими вѣчно дымящими трубами «черный городокъ», и уходящій за нимъ вдаль «бѣлый городокъ», и еще далѣе далекіе Балаханы и весь широкій просторъ моря!..

Зубчатые гребни крѣпостной стѣны, съ трехъ сторонъ охватывающей подножіе дворцоваго холма, видны намъ отсюда въ самое темя; еще ближе, у ногъ нашихъ, характерные старин-

ные куполы соборной мечети, Джума-Джаміе съ ея двумя минаретами, глиняные многочисленные купольчики общественныхъ бань и весь переплетающійся паутиною своихъ переулочковъ и проходцевъ татарскій базаръ... Городской бульваръ съ новенькими раскрашенными бесѣдками и чахлыми деревцами, прикованными, какъ острожники на цѣпь, къ своимъ колышкамъ, тянется блѣдноземеными лужайками и желтокрасными дорожками, сейчасъ же за стѣною, съ трудомъ защищая свое жалкое существованіе отъ изсушающаго дыханія бакинскаго солнца и бакинскихъ глинистыхъ горъ. Дальше видны большія красивыя зданія губернаторскаго дома, женской гимназіи, огромное заведеніе святой Нины, и цѣлые сплошные кварталы новыхъ многоэтажныхъ домовъ, гостинницъ, магазиновъ, направляющіеся къ «черному городку».

А на другой сторонѣ—на голубой скатерти совсѣмъ затихшаго моря многочисленныя мачты кораблей, трубы двигающихся и стоящихъ пароходовъ, рѣющіе во всѣхъ направленіяхъ бѣлые паруса, вся оживленная сутолока лихорадочно-дѣятельнаго торговаго порта...

Да, высоко забрались и крѣпко угородились на вершинѣ своего утеса, какъ хищникъ-орелъ въ своемъ недоступномъ гнѣздѣ, эти старые кровожадные и безпутные ханы! Они господствовали тутъ надъ всѣмъ, потому что сидѣли выше всѣхъ и крѣпче всѣхъ, все могли видѣть и достать отсюда, изъ своей надежной засады. Ничего, кромѣ насилія и страха, не связывало съ ними ихъ народа, ничего они не дѣлали для него, ничѣмъ о немъ не заботились. Ихъ дворецъ былъ въ одно и то же время и крѣпостью, и тюрьмою. Они должны были отгораживаться и отсиживаться въ этихъ стѣнахъ столько же отъ враговъ, сколько и отъ собственнаго народа. Они собирали сюда всякими неправдами свою казну и сторожили здѣсь своихъ обобранныхъ плѣнниковъ, ничего не выработавъ въ теченіе вѣковъ для блага своего народа, кромѣ разорительныхъ поборовъ, безграничнаго произвола и скотскаго разврата...

На Баиловъ мысъ мы проѣхали въ коляскѣ, чтобы лучше познакомиться съ этимъ военнымъ нашимъ поселкомъ. Туда ведетъ хорошее шоссе по синему берегу моря, у подножія глинистыхъ горъ, покрытыхъ кладбищами персіянъ, татаръ, евреевъ и русскихъ. Трудно сомнѣваться, что въ очень скоромъ времени длинный пустырь, раздѣляющій Баиловскій пригорокъ отъ Баку, застроится домами и сольетъ ихъ въ сплошной городъ. Эта полоса берега, укрытая каменною стѣною, такъ и просится подъ дачи, если только бакинцы съумѣютъ наконецъ одолѣть упрямство своей почвы и найдутъ способы провести сюда обильную и дешевую воду съ высоты горъ, гдѣ ее трудно имѣть... Я думаю все-таки, что чортъ не такъ страшенъ, какъ его пишутъ, и что разведеніе садовъ вокругъ Баку далеко не такъ безнадежно, какъ объ этомъ говорятъ. А это здѣсь болѣе чѣмъ необходимо. Пока не зазеленѣютъ сады и дачи по берегу Каспія—лѣтняя жизнь въ Баку будетъ истиннымъ мученіемъ для всякаго человѣка, осужденнаго пребывать здѣсь, если онъ имѣетъ человѣческіе нервы и органы чувствъ, а не сдѣланъ изъ сухой глины, какъ здѣшніе все выносящіе персы, татары и ихъ верблюды...

Баиловъ поселокъ — полонъ бѣленькихъ низенькихъ домиковъ, глядящихъ весело, какъ хохлацкія хаты. Все это дома солдатъ и матросовъ. Каменные корпуса казармъ Каспійскаго флотскаго экипажа, его разныхъ управленій и складовъ, огромныя зданія мастерскихъ, гремящія своими молотами, пыхтящія своими паровыми машинами,—возвышаются отдѣльными обширными усадьбами на самомъ берегу моря, въ сторонѣ отъ главной улицы.

На широкой площади-выгонѣ величественный пятиглавый бѣлокаменный соборъ строго русскаго стиля, достойно представляющій собою въ этомъ татарскомъ краѣ родное православіе...

Все это гнѣздо русской военной силы съ благоразумною осторожностью отодвинулось на всякій случай отъ стараго та-

тарскаго города и собралось своимъ отдѣльнымъ городкомъ на удобномъ гористомъ мысѣ, который ничего не стоитъ обратить въ рядъ батарей. Тутъ же кстати покачиваются на своихъ якоряхъ и внушительные военные пароходы нашей Каспійской флотиліи, съ помощью которой пресловутое Хвалынское море, еще недавно кишѣвшее туркменскими пиратами, а раньше того русскими и татарскими разбойниками,—сдѣлалось теперь такъ же безопасно, какъ Нева между петербургскихъ острововъ...

Каменный водорѣзъ длинною дугою защищаетъ отъ прибоевъ открытаго моря казенный портъ, гдѣ стоятъ эти корабли.

---

Послѣ долгихъ прогулокъ подъ лучами южнаго солнца по открытой каменистой мѣстности съ невыразимымъ наслажденіемъ окунулся я въ зеленыя прозрачныя волны моря, еще порядочно холодныя въ это раннее время года. Пока жена ѣздила дѣлать покупки на татарскій базаръ, я нанялъ парусную лодку и отправился смотрѣть, такъ называемый «подводный городъ». Вѣтеръ поднялся отъ берега и для того, чтобы попасть, куда намъ было нужно, всего не больше полугоры версты отъ таможни, пришлось отплыть довольно далеко въ открытое море, чтобы уже оттуда, обманывая парусомъ вѣтеръ, спуститься навкось къ Баилову мысу, противъ котораго, вблизи отъ казеннаго порта, чернѣлись какія то подобія подводныхъ камней. Качало-таки насъ изрядно, и большую неуклюжую лодку подбрасывало волной, какъ орѣховую скорлупу. Но лодочникъ-персъ ловко справлялся въ одиночку и съ парусомъ, который онъ поочередно перекидывалъ то въ ту, то въ другую сторону, мѣняя галсъ, и съ веслами, которыми постоянно приходилось помогать вѣтру.

Персъ говорилъ немного по-русски, и мы, конечно, побалакали съ нимъ о томъ, о семъ. Онъ въ большомъ удовольствіи отъ русскихъ порядковъ и находитъ ихъ несравнимо лучше персидскихъ. Главный же источникъ этого удовольствія—хорошій заработокъ.

— Прежде какой Баку?.. Усе равно деревня, ничего нѣтъ!— говорилъ онъ съ очевидной искренностью. Теперь, что Тифлисъ есть, то Баку есть... Каждый день базаръ, каждый день пароходъ... Купецъ много, деньга много... Человѣкъ богатый у Баку... Персъ богатый, армянъ богатый, татаръ богатый, русскій богатый... А усе керосинъ, нефть,—керосинъ, нефть! Вода только нѣтъ... Вода нѣтъ, садъ нѣтъ. Садъ много есть, да далеко. Этотъ мѣсяцъ прошелъ, увесь человѣкъ изъ Баку садъ ѣхалъ... Вода и тутъ есть, да глубоко... 20 сажень, 30 сажень, 40 сажень... У гора много вода, провести можно, только надо деньга...

Но я въ эту минуту совсѣмъ былъ не того восторженнаго мнѣнія, какъ мой персъ, объ этомъ прекрасномъ городѣ, гдѣ и персъ богатъ, и армянинъ богатъ, богатъ и татаринъ и русскій.

Мы отплыли довольно далеко въ море, и я могъ окинуть теперь весь Баку однимъ широкимъ взглядомъ.

Сухимъ, голымъ, безотраднымъ смотрѣлъ онъ на меня съ ступеней своего горнаго амфитеатра, такого же сухого, голаго и безотраднаго. Каменисто-глинистыя горы охватываютъ полукругомъ вдавшійся въ нихъ заливъ моря, и на скатахъ ихъ у ихъ подножія—насыпаны цѣлые яруса, цѣлыя чередующіяся террасы безкрышыхъ домовъ, того же цвѣта, того же камня, какъ окружающія ихъ скалы. Ни одного зеленаго деревца, ни одной веселой лужайки не видно издали среди этого желто-сѣраго пейзажа ни внизу, ни вверху, ни налѣво, ни направо; но откуда-то сзади, будто изъ-подъ земли, черными пирамидальными тополями, траурными аллеями, цѣлыми фантастическими могильными рощами, подымаются, чуть погибаясь отъ вѣтра, черные дымы безчисленныхъ трубъ—единственная растительность этого города-огня. «Черный городъ» осѣняетъ своимъ дымнымъ ореоломъ кормящійся имъ и имъ богатѣющій городъ, будто нечистый духъ продавшуюся ему жертву.

Голыя горы, обступающія кругомъ Баку, глядятъ вдвое пе-

чальнѣе отъ множества кладбищъ, ихъ покрывающихъ, обложившихъ своею Божьей нивою, будто осадною ратью, живой городъ. Персидское, татарское, армянское, еврейское и наконецъ русское кладбище—одно за однимъ, одно надъ другимъ. Золотой крестъ русской кладбищенской церкви мирно сіяетъ выше всѣхъ кладбищъ, какъ бы благословляя христіанскимъ благословеніемъ любви и терпѣнія всѣ эти разноплеменныя могилы. Правѣе русскаго храма, на самомъ гребнѣ горы, на припекѣ палящаго солнца, сбились въ кучку, вырѣзаясь своими характерными и картинными силуэтами на знойно-синемъ небѣ,—будто спеченныя изъ глины слѣпыя персидскія мазанки съ такими же глиняными куполами... Только онѣ и придаютъ пейзажу сколько-нибудь азіатскій характеръ, напоминая обычные виды сирійскихъ пустынь.

Издали Баку уже не производитъ впечатлѣнія мусульманскаго города. Ветхіе наивные куполы его Джумы да высоко забравшійся минаретъ ханской мечети—незамѣтно тонутъ среди европейскихъ домовъ и христіанскихъ церквей. Магометанство здѣсь стерлось и потемнѣло, какъ эти сырые старые купола, какъ развалины ханскаго замка, спрятавшагося на утесѣ. Хотя персовъ живетъ еще много въ Баку, особенно внутри старой крѣпости, но они уже строятъ себѣ двухъэтажные дома и магазины съ цѣльными стеклами, гоняютъ пароходы съ керосиномъ и посылаютъ своихъ дѣтей въ русскія школы и гимназіи.

— Какой есть богатый нашъ персъ, увесь его сынъ пойдетъ русскій школа!—сообщалъ мнѣ на своемъ своеобразномъ русскомъ языкѣ персъ-лодочникъ.

---

Черные каменные рифы, къ которымъ мы подплыли, оказались совсѣмъ плоскими, какъ крыши татарскаго дома. Ихъ видно изъ воды девять, и всѣ они идутъ въ одномъ направленіи, какъ по ниткѣ. Морская волна лижетъ ихъ черные каменные черепа, то оголяя ихъ, то опять скрывая, такъ какъ нѣ-

которые изъ нихъ не подымаются надъ уровнемъ моря. Передовой островокъ, къ которому мы подъѣхали и на которой высадились, благодаря вѣтру, не безъ нѣкоторыхъ усилій, оказался плоскимъ верхомъ круглой башни. Кладка изъ правильныхъ тесанныхъ камней отлично видна почти на полъ-аршина надъ уровнемъ моря и даже на нѣкоторую глубину въ водѣ. Сверху ясно замѣтенъ кольцеобразный закраекъ, служившій какъ бы карнизомъ башни, и рѣзко обозначенный ходъ въ него со стороны гавани. Средина, тоже мощеная камнями, нѣсколько углублена внизъ...

Мы пробовали опускать въ глубину вдоль стѣны очень длинное весло, и оно вездѣ встрѣчало такую же отвѣсную стѣну. Мы проѣхали потомъ осторожно и медленно, вглядываясь въ прозрачную влагу, вдоль всей цѣпи этихъ кажущихся рифовъ, и во многихъ мѣстахъ видѣли отвѣсныя стѣны и швы каменной кладки. Я не сомнѣваюсь, что мы двигались мимо цѣлой стѣны, заканчивавшейся на краю круглою башнею.

Персы увѣряютъ, что это залитый моремъ древній караванъ-сарай. Спорить съ ними трудно, тѣмъ болѣе, что ихъ преданія могутъ опираться на какія-нибудь намъ неизвѣстныя историческія свидѣтельства. Но мнѣ кажется гораздо правдоподобнѣе предположить, что это береговое укрѣпленіе. Трудно прежде всего допустить, чтобы караванъ-сарай былъ устроенъ на самомъ берегу моря, которое было небезопаснымъ отъ разбоевъ и нападеній еще въ наши дни, а въ древности ужъ и говорить нечего.

Татары и персы еще немного лѣтъ тому назадъ боялись селиться на набережной Баку, и губернаторъ Колюбакинъ долженъ былъ чуть не силою заставлять ихъ строить дома у моря. Теперь этотъ страхъ, конечно, разсѣялся, и мѣста на набережной, которыхъ не хотѣли брать даромъ, покупаются чуть не на вѣсъ золота. Такъ, напримѣръ, одинъ участокъ, уступленный казною за 150 руб., былъ проданъ потомъ, какъ меня увѣряли, за 30.000. Но тѣмъ не менѣе унаслѣдованный изъ ста-

рины страхъ жителей Баку передъ опаснымъ сосѣдствомъ моря—можетъ служить вѣскимъ опроверженіемъ мѣстнаго преданія, будто залитыя развалины—остатки караванъ-сарая, а не крѣпости.

Всѣ приморскіе городки древности охраняли свои берега укрѣпленными замками. Въ Дербентѣ до сихъ поръ стѣны, преграждавшія береговую дорогу, входятъ въ самое море. Не мудрено, что и береговая дорога изъ-за Баилова мыса должна была проходить сквозь стѣны и башни Бакинскаго замка. По несокрушимой крѣпости и чрезвычайной правильности постройки, въ теченіе многихъ вѣковъ не разрушенной морскими волненіями, возможно даже предположить, что это остатки еще римскихъ укрѣпленій, которыя въ древности здѣсь несомнѣнно существовали.

Этотъ «подводный городъ» во всякомъ случаѣ глубоко интересенъ уже потому, что онъ показываетъ, какія поразительныя геологическія перемѣны происходятъ на земномъ шарѣ, такъ сказать, уже на глазахъ исторіи. Постоянное опусканіе западнаго берега Кавказа—фактъ замѣченный не въ одномъ Баку, но также и въ Дербентѣ, и въ Ленкоранѣ, гдѣ море съ каждымъ годомъ все больше подмываетъ мечеть и многіе городскіе дома, такъ что необходимо переносить ихъ на другое мѣсто.

Напротивъ того, берега у устья Волги постепенно поднимаются, такъ что нѣкоторыя постройки, бывшія на памяти людей у самаго моря, очутились теперь среди материка. Точно также, какъ передавали мнѣ мѣстные жители, море замѣтно уходитъ отъ южнаго берега Каспія, какъ напр., въ Астарѣ, на границѣ Персіи.

Какое значеніе въ этомъ опусканіи морского берега имѣетъ нахожденіе въ немъ многочисленныхъ нефтяныхъ источниковъ и связанныхъ съ ними земныхъ пустотъ,—должны разрѣшить современемъ спеціалисты-геологи.

Къ сожалѣнію, я не могъ добыть точныхъ историческихъ

справокъ, какъ давно существуетъ «подводный городъ» въ Баку. Нѣкоторыя данныя заставляютъ думать, что это случилось не такъ давно, какъ можно было бы предположить. Старики-персы разсказываютъ, что прадѣды ихъ еще ѣздили на арбахъ съ Баилова мыса на островъ Ушкунъ, до котораго теперь нужно плыть моремъ верстъ восемь. На островѣ этомъ, говорили мнѣ мѣстные персы, еще видны до сихъ поръ глубокія колеи арбъ, идущія прямо въ море по направленію къ Баилову, а на Баиловскомъ берегу такіе же, изъ моря идущіе, глубокіе слѣды колесъ.

Замѣчательно, что вблизи того самаго мѣста, гдѣ, судя по этому преданію, земля опустилась подъ воду, море до сихъ поръ представляетъ удивительное явленіе.

Оно такъ пропитано горючими газами, что малѣйшее прикосновеніе огня заставляетъ вспыхнуть громаднымъ пожаромъ всю водную массу.

Жители Баку доставляютъ себѣ нерѣдко удовольствіе отправиться компаніею знакомыхъ на какомъ-нибудь паровомъ катерѣ въ тихую и темную ночь къ этому «горючему морю» и забавляться тамъ оригинальнымъ пожаромъ воды.

Забава эта, впрочемъ, не безопасна и требуетъ близкаго знакомства со всѣми условіями, при которыхъ она должна производиться.

Горючее мѣсто имѣетъ очень опредѣленныя границы, образуя собою какъ бы своего рода озеро среди моря, поэтому необходимо зажигать его ближе къ краю, съ такимъ разсчетомъ, чтобы успѣть во-время выскочить изъ охваченной огнемъ поверхности и стать безопасно въ обыкновенной водѣ. Кромѣ того очень важно знать, при какомъ именно вѣтрѣ возможно зажиганіе моря, вслѣдствіе чего далеко не всегда возможно доставить себѣ это въ высшей степени своеобразное и любопытное зрѣлище.

Какія бы объясненія ни придумывали этому явленію, для меня ясно одно, что поразительное осѣданіе земли на бакин-

скомъ берегу, о которомъ сохранились и преданія старины, и несомнѣнные живые слѣды, тѣсно связано съ дѣйствіемъ подземныхъ горючихъ газовъ, выдѣляющихся вмѣстѣ съ нефтью изъ пустотъ земли...

## VIII.

### Въ Плутоновомъ царствѣ.

Мы наняли за 7-мь рублей покойный фаэтонъ парою посѣтить Балаханы и вернуться въ Баку.

Приходится проѣхать насквозь всѣ новыя улицы города. Тутъ ужъ ничего похожаго на вьющіеся переулочки старой крѣпости. Вездѣ массы строющихся и только-что отстроенныхъ домовъ, и все большихъ, многоэтажныхъ, затѣянныхъ на широкую ногу, заранѣе примѣненныхъ ко всякимъ торговымъ предпріятіямъ, вездѣ склады, магазины, гостинницы, конторы...

Дома, однако, не русскаго типа, а того плоскокрышаго, богатаго галлереями и окнами, который господствуетъ вездѣ въ населенныхъ европейцами восточныхъ портахъ Средиземнаго моря, разныхъ Бейрутахъ, Смирнахъ и т. п. Насколько безопасны подобные громоздкіе дома въ странѣ землетрясеній— строителямъ судить, конечно, лучше, чѣмъ мимоѣзжему путешественнику.

Хорошія мостовыя вездѣ; вездѣ бѣгаютъ переполненныя конки, лошадныя и паровыя, движеніе народа огромное. При выѣздѣ изъ города большой и красивый вокзалъ паровыхъ конокъ, такъ называемый «паркъ», въ родѣ обычныхъ вокзаловъ желѣзныхъ дорогъ. Вообще не пахнетъ шаблоннымъ губернскимъ городомъ глухой окраины, а скорѣе кипучею жизнью какой-нибудь Одессы или Ростова, хотя, конечно, начинающей Одессы, начинающаго Ростова. Даже прекрасный театръ съ итальянскою оперою, концерты всякихъ знаменитостей, всякія удовольствія. Присутствіе большихъ денегъ, дѣятельной наживы ощущается

на каждомъ шагу. Ощущается это и на цѣнѣ всего. Гостинницы берутъ по-столичному: за номеръ 4, 5, 6 рублей, за самоваръ 25 коп., за свѣчу 20 коп., извозчикъ въ часъ—два рубля! Это ужъ не по-столичному, а по-безбожному. Не ищите ужъ зато ничего для умственныхъ интересовъ. Въ жалкихъ книжныхъ лавчонкахъ я не могъ найти ровно ничего даже про Баку, про Закаспійскій край. Керосинъ и деньги—вотъ единственная здѣсь духовная пища, единственные идеалы.

Народная толпа здѣсь не только шумна и многочисленна, но и интересна.

Татарки, закутанныя съ головою въ свои розовыя ситцевыя простыни, бѣгаютъ здѣсь совершенно свободно по улицамъ, попадаясь толпами на каждомъ шагу, громко шлепая по камнямъ своими оригинальными желтыми калошами, надѣтыми на одинъ только носокъ ноги и оставляющими висѣть въ воздухѣ остальную ступню въ расшитыхъ красныхъ мештахъ, нерѣдко съ голою подошвою... И на многихъ мужчинахъ такія же потѣшныя калоши до половины ступни, крайне неудобныя при ходьбѣ и достигающія невѣдомо какой цѣли.

Персіяне даютъ свой характеръ физіономіи города. Ихъ важныя ветхозавѣтныя фигуры въ широкихъ корйчневыхъ мантіяхъ, въ огромныхъ синихъ тюрбанахъ, а еще чаще въ опрокинутыхъ на затылокъ высокихъ черныхъ шапкахъ, изъ смушекъ особаго персидскаго покроя, расширенныя кверху въ родѣ камилавокъ, видны у дверей каждаго магазина, каждой кофейни... Подъ этими пышными щеголевато сидящими на нихъ воскрыліями еще синій балахонъ; подъ балахономъ бѣлый или желтый ситцевый бешметъ, а изъ-подъ разрѣза бешмета виднѣется на груди еще цвѣтная рубаха. Такова лѣтняя одежда этихъ дѣтей юга, кажется, гораздо болѣе вызываемая странными понятіями восточнаго человѣка о приличіи и почтенности, чѣмъ условіями климата. Рѣзко очерченныя лица ихъ изъ какого-то коричневаго пергамента, черномазыя, обрамленныя красною бородою и красными усами, словно проклеенными смазы-

вающей ихъ краской и обрѣзанными ровно и гладко, будто листъ картона,—сообщаютъ еще больше искусственности и какой-то церемонной парадности ихъ наружному виду.

Дорога въ Балаханы идетъ сначала мимо «чернаго городка», который остается вправо, къ сторонѣ моря. За «городкомъ» моря уже больше не видишь, потому что его загораживаютъ холмистые берега. Дорога эта, поистинѣ, убійственна: яма на ямѣ, выбоина на выбоинѣ, лужа на лужѣ. Глинисто-песчаный грунтъ не мѣшаетъ отчего-то постоянной грязи.

Мѣстная администрація давно хлопочетъ объ исцѣленіи этой ахиллесовой пяты Баку. Уже получено согласіе нефтепромышленниковъ обложить себя на устройство и содержаніе шоссе до Балаханъ по $^1/_{30}$ коп. съ пуда добываемаго керосина, но въ центральныхъ учрежденіяхъ почему-то не даютъ ходъ этому неотложному дѣлу, связывая его безъ видимой причины съ неразрѣшеннымъ еще вопросомъ объ обложеніи тѣхъ же нефтепромышленниковъ $^1/_{10}$ коп. съ пуда для устраненія убытковъ отъ неправильныхъ дѣйствій нефтяныхъ фонтановъ. А между тѣмъ промедленіе это приноситъ ежедневные значительные убытки промышленникамъ, заставляя ихъ терять деньги и время на преодолѣніе часто непреодолимыхъ препятствій грунтовой дороги въ дождливое время года. Правда, въ Балаханы и Сураханы идетъ особая вѣтвь желѣзной дороги, но она не устраняетъ необходимости постоянной гужевой подвозки разныхъ матеріаловъ къ мѣстамъ добычи нефти. Грязная дорога кишитъ подводами и двигающимся въ обѣ стороны народомъ.

Ослики или, по-мѣстному, ишаки, съ навѣшанными на нихъ по обѣ стороны огромными глиняными кувшинами въ деревянныхъ рамахъ, толпами встрѣчаются на пути. На иныхъ сидятъ свѣсивъ въ бокъ ноги, иногда на самомъ хвостѣ, татары-хозяева, нагрузившіе сѣдло разнымъ товаромъ.

Длиннѣйшія дороги со всякими тяжестями и огромныя раскрашенныя мажары, и тѣ и другія запряженныя четверкою здоровыхъ коней, съ трудомъ выволакиваются изъ трясинъ, пе-

ребивающихъ дорогу въ каждой лощинкѣ. Но самый распространенный мѣстный экипажъ—это легкая рѣшетчатая арба на двухъ громаднѣйшихъ колесахъ, иногда снабженная холщевымъ верхомъ и даже раскрашенная очень ярко красными, золотыми и зелеными узорами... Впереди у нея всегда высокая скамеечка вмѣсто козелъ, порою на точеныхъ столбикахъ и тоже раскрашенная.

Колеса ихъ такъ велики (до трехъ съ половиною аршинъ), что подъ дрогами арбы почти всегда свободно виситъ на цѣпи, не задѣвая земли, большая сороковая бочка съ нефтяными остатками. Вся тяжесть арбы и бочки, людей и товаровъ, находящихся въ арбѣ, лежитъ прямо на хребтѣ лошади, для которой выбоины и трясины дороги чистое убійство,—несмотря на то, что черезсѣдельникъ, поддерживающій оглобли, лежитъ у ней не на маленькой плоской сѣделкѣ, какъ у насъ въ Россіи, а на цѣломъ большомъ сѣдлѣ съ сводистымъ арчакомъ. Зато ужъ и ухаживаетъ татаринъ за своею лошадкою, какъ любовникъ за любовницею. Даже смотрѣть трогательно, какъ обвѣшиваетъ онъ ее, будто дорогую ему красавицу, разноцвѣтными каменными монистами въ нѣсколько рядовъ, почти всегда голубыми, какъ бирюза, съ какимъ щегольствомъ украшаетъ онъ и это ожерелье и чубастую морду лошади яркими гарусными махрами и кистями, а шлею и узду—сверкающимъ мѣднымъ наборомъ.

Верблюдовъ тутъ тоже много. Здѣшній татаринъ сжился съ ними до того, что сталъ похожъ на нихъ и нарядомъ, и походкою. Вонъ онъ идетъ передъ ними въ своей рыжей, какъ верблюдъ, шапкѣ, въ одеждѣ изъ верблюжьей шерсти, медленно, важисто и терпко, какъ верблюдъ; на верблюдѣ удивительнымъ образомъ все кажется одного верблюжьяго цвѣта: и сѣдло, и многочисленныя попоны, и подпруги, и самый вьюкъ. Все словно пропиталось въ теченіе времени не только верблюжьимъ потомъ и запахомъ, но даже и цвѣтомъ верблюда.

По сторонамъ дороги — густые хлѣбные посѣвы. Здѣшній

песокъ, по непостижимой мнѣ причинѣ, отличается удивительнымъ плодородіемъ безъ всякой помощи удобреній. Одни объясняютъ это присутствіемъ будто бы близкой подпочвенной влаги, что́ совсѣмъ не вяжется съ бѣдностью въ водѣ города Баку и съ трудностью разводить въ немъ сады; другіе подозрѣваютъ благопріятное вліяніе на посѣвы нефтяныхъ испареній, что́ также очень гадательно и не доказано ровно ничѣмъ. Скорѣе всего, что въ этомъ пескѣ есть значительная примѣсь плодороднаго ила.

---

Не доѣзжая Балаханъ, мы переѣхали большое озеро, которое налѣво терялось въ безбрежной дали, а справа, отъ моря, отрѣзывалось холмистымъ перешейкомъ. Очевидно, это былъ когда-то заливъ моря, загородившій свое собственное устье постепенными наносами песковъ. Это такъ называемый «Шоръ». Вода въ немъ соленая, сильно пропитанная нефтью. Множество длиннѣйшихъ узенькихъ мостиковъ на подобіе лавъ, устраиваемыхъ у насъ въ Россіи черезъ рѣки, тянутся поперекъ этого озера параллельно нашей дорогѣ. Но это вовсе не мосты для переправы, а пути для нефтепроводовъ.

Арбы же и всадники спокойно переѣзжаютъ въ бродъ это мелкое озеро. Мы проѣхали однако берегомъ, обогнувъ озеро справа. Въ разныхъ мѣстахъ пришлось переѣхать черезъ множество чугунныхъ трубъ въ два и три вершка толщины, которыя безконечно-длинными черными змѣями ползутъ по пескамъ, сгибаясь и перепалзывая другъ черезъ друга, извиваясь между рытвинами, ныряя въ лощинки, карабкаясь на пригорки, пересѣкая дороги, направляясь отъ невидныхъ еще намъ нефтяныхъ колодцевъ Балаханъ къ очистительнымъ заводамъ «чернаго городка». Это жилы своего рода, по которымъ нефть, добываемая въ скважинахъ, течетъ будто кровь по артеріямъ, изъ глубокихъ нѣдръ земли, въ пищеварительный аппаратъ, превращающій ее въ керосинъ, бензинъ и всякія горючія и негорючія масла.

---

Ничего не можетъ быть своеобразнѣе вида Балаханъ. Издали вамъ мерещится впереди частый лѣсъ черныхъ пирамидальныхъ кипарисовъ, тающій въ какомъ-то синеватомъ дымкѣ, словно въ туманахъ дали. Лѣсъ этотъ приподнятъ на своей горной площадкѣ, какъ на пьедесталѣ, надъ окружающею его береговою степью. Но подъѣзжая ближе, вы убѣждаетесь, что этотъ мнимый кипарисовый лѣсъ вовсе не лѣсъ, а цѣлый городъ, какихъ нигдѣ не бываетъ, городъ индійскихъ пагодъ своего рода, цѣлое столпотвореніе Вавилонское изъ многихъ сотенъ дымящихся трубъ, изъ многихъ сотенъ усѣченныхъ вверху деревянныхъ пирамидъ, которыя своими темными сквозными скелетами и казались намъ издали гигантскими траурными кипарисами. Этотъ лѣсъ пирамидъ тѣснится своими мрачными чащами среди множества прудковъ и озерокъ съ коричневою, бурою, желтою водою, насквозь пропитанною нефтяною вонью и нефтяною грязью, среди плотинъ и перешейковъ, залитыхъ тою же табачною жидкостью, ползущихъ подъ колесами экипажа тою же табачною грязью.

Это настоящій городъ огнепоклонниковъ, — непохожій ни на что другое, что мы привыкли видѣть,—черный, ощетинившійся, дымящій, далеко кругомъ разносящій удушливый запахъ «жупела»; мрачными мертвенными тѣнями отражается онъ въ неподвижныхъ омутахъ растопленной смолы, словно всѣ эти черныя озера и все это многочисленное ополченіе толпящихся надъ ними черныхъ обелисковъ—ничто иное, какъ безчисленныя отдушины Плутонова царства, черезъ которыя сочатся и выплескиваются наружу изъ бездонныхъ нѣдръ преисподней, какъ молоко изъ переполненной груди, ея черные соки, эта горючая вода, этотъ текучій огонь. Немудрено, что они еще дышатъ жаромъ того скрытаго въ невѣдомыхъ глубинахъ огненнаго моря, въ которомъ мучаются грѣшники Дантова ада, изображаемые фантастическимъ карандашемъ Густава Доре.

Да, это несомнѣнный городъ Плутона, трубы ада, сквозь

отверстія которыхъ пекло выглядываетъ на свѣтлый міръ Божій. Оттого-то такъ угрюмо курятся они черными хвостами своихъ дымовъ, оттого-то такъ отравляютъ они голубой и золотой весенній день смрадомъ своей гари. Это дымятся таинственныя подземныя кузни Вулкана, гдѣ въ незримыхъ глубинахъ куются камни и металлы, наполняющіе шаръ земной,—адская кухня своего рода, гдѣ граниты расплавляются, какъ супъ... Ничто не можетъ убѣдить нагляднѣе въ дѣйствительной расплавленности ядра земного, какъ эта горячая черная кровь его, имѣющая до 28° тепла, прыщущая прямо изъ сердца его, при каждой новой ранѣ, которую корысть человѣка наноситъ своей матери-землѣ.

Фантастическій, донельзя странный видъ для непривычнаго глаза представляетъ эта неохватная площадь тѣсно набитыхъ другъ на друга черныхъ вышекъ, черныхъ трубъ, черныхъ строеній, свивающихъ свои безчисленные черные дымы въ какое-то одно громадное пожарище, застилающее небо, удушающее воздухъ, покрывающее копотью землю... Все здѣсь пропитано нефтью, прокопчено дымомъ: вода, деревья, дома, люди, одежды, собаки, куры, даже воробьи,—все тутъ черно или буро, словно дымящійся кругомъ адъ кромѣшный облекъ въ вѣчный трауръ всю природу.

---

Мы медленно двигались среди вонючихъ продуктовъ и ручьевъ, полныхъ, какъ лампа масломъ, густой и жирной бурозеленой жидкостью, среди безпорядка наскоро сооружаемыхъ построекъ и торопливо извлекаемыхъ доходовъ.

Еще передъ въѣздомъ въ Сабунчи, это своего рода предмѣстье Балаханъ, гдѣ находится желѣзнодорожная станція, насъ встрѣтилъ начальникъ Балаханъ, мѣстный приставъ, верхомъ на конѣ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ ловкихъ наѣздниковъ своей свиты. Губернаторъ далъ ему знать по телефону о нашемъ прибытіи и поручилъ ему показать намъ все, достойное вниманія. Приставъ оказался человѣкомъ образованнымъ и

съ оригинальнымъ прошлымъ. Онъ былъ прежде католическимъ ксендзомъ, имѣлъ какую-то романтическую исторію въ Польшѣ, переѣхалъ съ женою въ Россію и принялъ потомъ православіе.

Онъ отлично знакомъ со всѣми подробностями нефтянаго дѣла и потому могъ расположить порядокъ нашего осмотра такимъ образомъ, что мы, такъ сказать, присутствовали при всѣхъ послѣдовательныхъ работахъ на скважинахъ, начиная отъ перваго буренія скважины до перелива нефти по трубамъ въ керосинные заводы «чернаго» городка. Для этого, конечно, пришлось посѣтить не одну скважинку.

Прежде всего, мы посѣтили бакинскій нефтепроводъ, принадлежащій товариществу четырехъ капиталистовъ, устроенный со всѣми новѣйшими приспособленіями. Въ огромныхъ каменныхъ корпусахъ отчаянно работаютъ, будто какія-то живыя чудовища сверхъестественной силы, тяжко дыша и торопливо ворочая свои стальные поршни, громадные паровые насосы. Проходя къ нимъ, вы неминуче должны пройти черезъ широкіе корридоры кочегарни, гдѣ съ двухъ сторонъ сверкаютъ на васъ, опаляя вамъ лицо, будто злые, кровью налитые глаза Циклопа до-красна раскаленныя, круглыя заслонки, прикрывающія жерла печей. Ихъ темный чугунъ сквозитъ теперь огнемъ и кажется прозрачнымъ, какъ стекло.

Паровыхъ насосовъ такой силы, кажется, нѣтъ на другихъ нефтепроводахъ. Они гонятъ по 6.000 пудовъ нефти въ одинъ часъ на разстояніи 12-ти верстъ, до заводовъ «чернаго» городка, по свинцовымъ трубамъ шести-дюймовой толщины. Нефть поступаетъ подъ насосы изъ громадныхъ герметически закупоренныхъ желѣзныхъ круглыхъ башенъ. Каждая изъ нихъ можетъ вмѣстить до 175 и 200 тысячъ пудовъ. Въ башни эти нефть гонится изъ источниковъ небольшими насосами, а изъ башенъ уже поступаетъ подъ большіе насосы пріемной станціи и перекачивается оттуда въ «черный» городъ, на особую «разаточную станцію» товарищества. Гонится туда не только собственная нефть товарищества, но и изъ многихъ чужихъ источ-

никовъ, не имѣющихъ собственныхъ нефтепроводныхъ станцій. Ховяева назначаютъ, сколько нефти должно быть передано на какой заводъ, и раздаточная станція «чернаго» городка распредѣляетъ притекающій матеріалъ по заводамъ назначенія, съ которыми она также соединена трубами.

Все это заведено очень недавно, а прежде тратилась масса времени и денегъ на перевозку нефти въ «черный» городокъ лошадьми и быками.

Управляющій нефтепроводомъ товарищества работаетъ въ Балаханахъ уже 10 лѣтъ, такъ что на его глазахъ возникло и развилось все здѣшнее нефтяное дѣло. Надняхъ еще, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь гудятъ и тяжко охаютъ могучіе насосы, былъ плодовый садъ и косился отличный хлѣбъ. А 20 лѣтъ тому назадъ на всемъ Балаханскомъ плоскогорьѣ, одинъ только Мирзоевъ арендовалъ у казны маленькіе нефтяные колодцы, уцѣлѣвшіе еще отъ персовъ. Бывало, конца не было удивленію, когда изъ всѣхъ этихъ колодцевъ удавалось добыть въ день 4 или 5 тысячъ пудовъ. А теперь въ одинъ день добывается въ Балаханахъ болѣе полмилліона пудовъ. Есть источники, дающіе каждый по десяти и двѣнадцати тысячъ пудовъ, а фонтаны очень нерѣдко выбрасываютъ нефти до 200.000 пудовъ въ день и даже болѣе.

Послѣ нефтепровода намъ показали такой нефтяной фонтанъ.

Молодой горный инженеръ г. Д., завѣдующій этимъ фонтаномъ, любезно познакомилъ насъ съ нимъ, приказавъ на время отворить его темницу, то-есть, попросту говоря, содрать часть досчатой обшивки съ бревенчатаго скелета пирамидальной вышки сооруженной надъ фонтаномъ.

Неприглядное зрѣлище представляютъ изблизи эти вышки, все кругомъ нихъ завалено горами песку, изрыто копанями и канавами, въ которыхъ течетъ бурозеленая жидкость, покрытая желтою пѣною. Она быстро струится въ амбары и ямы, назначенные для ея храненія. Только очень небольшая часть этихъ

ямъ выложена камнемъ и способна хотя нѣсколько сберечь отъ напрасной потери драгоцѣнную горячую влагу. Въ огромномъ же большинствѣ скважинъ нефть стекаетъ въ простыя глиняныя ямы, вырытыя на подобіе сажелокъ среди валовъ песка, и тамъ свободно просачивается въ землю, свободно испаряется на солнцѣ. Фонтанами навалены эти горы песку, фонтанами налиты эти озера мазуту. Они неузнаваемо измѣняютъ поверхность почвы, среди которой начинаютъ дѣйствовать. Сама вышка такая же грязная, какъ и ея окрестность. Доски, ея одѣвающія, сочатся *мазутомъ*, чернымъ нефтянымъ дегтемъ своего рода; онѣ прибиты съ тою цѣлью, чтобы капризная струя фонтана, вспомоществуемая вѣтромъ, не благодѣтельствовала сосѣднимъ землямъ и не растрачивала себя внѣ предѣловъ родной пирамиды.

Когда обнаружилась намъ ея темная утроба, мы увидѣли столбъ коричневыхъ струй и брызговъ, поднимавшійся изъ торчавшей въ землѣ желѣзной трубы. Онъ сразу обдалъ насъ своимъ маслянистымъ теплымъ дождемъ и хватилъ еще далеко позади насъ, подхваченный кстати налетѣвшимъ вѣтромъ. Этотъ горячій дождь собирается на днѣ вышки и канавками стекаетъ въ сажелки, рвы и всевозможныя углубленія почвы. Нефть выбрасываетъ съ собою изъ глубинъ земныхъ много песку, воды и всякой нечистоты. Внутри вышки все капаетъ и сочится нефтью, все прокопчено ея цвѣтомъ, ея запахомъ.

Фонтаны бьютъ изъ большой глубины и потому поднимаются очень высоко, постоянно обдавая своими брызгами бревенчатый скелетъ вышки и ея досчатую обшивку. Фонтанъ, который намъ показывали, имѣетъ 103 сажени глубины. Оставалось докопаться до него еще 45 саженъ, когда онъ самъ вдругъ вырвался наружу, какъ согрѣвшееся шампанское, подбросивъ, будто горсть песку,— эту сорока-пяти саженную пробку, разбивъ ею въ прахъ все, что было кругомъ, и засыпавъ земляннымъ обваломъ работавшія надъ нимъ лебедки и паровую машину, которыя и теперь еще торчатъ на половину изъ-подъ земли.

Министерство государственныхъ имуществъ, въ завѣдываніи котораго находится все горное дѣло, въ томъ числѣ нефтяные источники, озабочено теперь пріисканіемъ мѣръ, съ помощью которыхъ явилась бы возможность предупреждать неожиданные взрывы фонтановъ и обезпечить предпринимателей отъ безплодной растраты нефти—устройствомъ прочныхъ общихъ резервуаровъ. Но до сихъ поръ, кажется, еще ничего не сдѣлано въ этомъ направленіи, кромѣ предположеннаго налога на этотъ предметъ $^1/_{10}$ копѣйки съ каждаго добываемаго пуда нефти.

Въ другой вышкѣ мы смотрѣли, какъ производится такъ называемое *„тортованіе“*. Фонтанъ, прежде бившій здѣсь, уже замеръ, давъ, впрочемъ, за время своего дѣйствія не болѣе, не менѣе какъ 17 милліоновъ пудовъ нефти! и нефть нужно теперь искусственно вытягивать изъ трубы. Дѣлается это очень просто. На верху вышки устроенъ колесо-блокъ. Съ помощью его одинъ рабочій на лебедкѣ, управляемой паровою машиною, опускаетъ въ трубу такъ называемую *„желонку“*,—длинный мѣдный цилиндръ съ клапаномъ вмѣсто дна; клапанъ открывается вверхъ, поэтому нефть, наполняющая трубу, свободно входитъ черезъ него въ цилиндръ, когда тотъ опускается внизъ, когда же цилиндръ поднимается, то тяжесть набравшейся въ него нефти сама собою запираетъ сейчасъ же клапанъ, и нефть остается въ цилиндрѣ. Вытащивъ желонку, рабочій стукаетъ ее дномъ о землю, клапанъ опять поднимается, и нефть быстро вытекаетъ изъ цилиндра. Она собирается или въ канавы, или въ особый бассейнъ, по обыкновенію окружающій трубу. Нефть никогда не получается чистою, а всегда съ водою, пескомъ и разными примѣсями, почему она и кажется бурою.

Очень интересно первоначальное буреніе скважины, на которомъ намъ тоже удалось побывать. Вышка собственно и устраивается для буренія. Надъ предположеннымъ мѣстомъ будущаго фонтана строятъ изъ толстыхъ бревенъ высокую сквозную башню, съуживающуюся кверху, къ ней пристраиваютъ сарай для паровой машины, лебедки и разныхъ другихъ орудій. Подъ сере-

диною вышки выкапываютъ узкую яму и вставляютъ туда желѣзную трубу вершковъ 8 въ поперечникѣ. Надъ трубою вѣшаютъ тяжелое стальное долото на цѣпи, перекинутой черезъ верхній блокъ и намотанной другимъ концомъ на лебедку. Долото это опускается внутрь трубы и особымъ паровымъ шатуномъ начинаетъ ворочаться и долбить твердую почву. Снизу къ нему придѣлывается стальной брусокъ съ двумя выдвижными боковыми зубами, которые вбираются внутрь, проходя по трубѣ, а когда пройдутъ глубже трубы, то, не сдерживаемые болѣе ея стѣнками, выскакиваютъ наружу и при поворотахъ долота расширяютъ діаметръ ямы настолько, что является возможность опустить трубу глубже въ землю. Когда труба вся уйдетъ въ землю, то къ ней приклепываютъ сверху другую такую же, для чего во всѣхъ колѣнахъ трубы заранѣе приготовлены необходимыя отверстія для заклепокъ. Другая труба постепенно опускается вслѣдъ за первою, по мѣрѣ работы долота, третье колѣно приклѣпывается ко второму, и такъ идетъ все дальше и дальше, на сто, на полтораста, на двѣсти саженъ въ глубь, пока не достигнется нефтяной пластъ. А чтобы и само долото могло опускаться на ту же глубину, какъ и трубы, внутри которыхъ оно должно работать, къ нему сверху постоянно навинчиваются длинныя желѣзныя штанги, сначала потолще, потомъ все тоньше и тоньше; особый работникъ все время стоитъ надъ ямою, на внутреннихъ балкончикахъ вышки, перемѣщаясь то ниже, то выше, по мѣрѣ углубленія трубы, чтобы безостановочно навинчивать другъ на друга эти штанги, выбирая ихъ изъ запаснаго гнѣзда, тутъ же у него подъ рукою.

Во время внезапныхъ взрывовъ фонтановъ, всѣ эти трубы, штанги, цѣпи, блоки нерѣдко выбрасываются Богъ знаетъ на какую высоту и въ какую даль, вмѣстѣ съ огромными камнями, вылетающими изъ глубины земной. Можно подумать, что духъ тьмы, сидящей подъ землей, направляетъ эти ядра свои въ дерзкаго человѣка, возмущенный наглыми попытками двуногаго червя проникнуть въ его заповѣдное царство.

Мы осмотрѣли между прочимъ и знаменитый фонтанъ Каспійскаго товарищества, который нашумѣлъ недавно на всю Россію. Онъ вырвался изъ земли съ такою неописуемою силою, быстротою и неожиданностью, что во мгновеніе ока разнесъ въ прахъ и покрывавшую его вышку, и всѣ нагроможденныя въ ней хитроумныя сооруженія, залилъ всю окрестность, погубилъ чужіе поля и огороды потопомъ своей нефти, налилъ навзрѣзъ озера и канавы, и только черезъ нѣсколько дней былъ кое-какъ укрощенъ и возвращенъ въ свои законные предѣлы. Онъ выбрасывалъ первое время ежедневно не меньше 300.000 пудовъ нефти, значительная часть которой пропадала понапрасну. Мало того, товариществу пришлось заплатить изрядныя суммы сосѣднимъ владѣльцамъ за ихъ потопленныя поля. Потомъ уже его забили въ оковы, т.-е. обшили досками бревна вышки. Мы входили къ нему въ эту деревянную темницу его. Онъ уже унялся и ведетъ себя теперь довольно смирно и вѣжливо, какъ тигръ звѣринца, истощенный долгимъ голодомъ, но все-таки оросилъ насъ съ головы до ногъ мелкими брызгами своей порядочно еще толстой и высокой струи. Каково же было задѣлывать его въ этотъ футляръ въ самый разгаръ его бѣшенства бѣднякамъ-рабочимъ, заливаемымъ дождемъ нефти и задыхающимся въ ея парахъ. Немудрено, что многіе рабочіе падали безъ чувствъ.

Кромѣ боковыхъ досокъ черезъ-чуръ расходившійся фонтанъ сдерживаютъ еще и сверху, задвигая верхнее отверстіе вышки толстою чугунною доскою на блокахъ, такъ что вся нефть, которую онъ выбрасываетъ, собирается волей-неволей въ внутреннемъ бассейнѣ вышки и направляется оттуда, куда слѣдуетъ. Съ какой невѣроятной силой бьютъ изъ земли нефтяные фонтаны, можно судить потому, что мы видѣли въ Тифлисскомъ музеѣ чугунную задвижную доску 4 — 6 вершковъ толщины, выѣденную струею нефти, какъ кусокъ мягкаго мыла...

Нефтяные колодцы—это уже совсѣмъ обезсилѣвшіе прежніе фонтаны. Изъ нихъ однако продолжаютъ доставать нефть иногда очень долго, по многу лѣтъ сряду. Прежде глубина ихъ была

меньше, но съ каждымъ годомъ она увеличивается и теперь доходитъ большею частью до 150, ингда же до 200 саженъ и болѣе, но это очень рѣдко. Въ Пенсильваніи колодцы несравненно глубже нашихъ, и профессоръ Менделѣевъ, такъ много работавшій по вопросамъ нефти, подробно изслѣдовавшій ее и въ Америкѣ, и у насъ на Кавказѣ, этой большой глубинѣ приписываетъ и большее обиліе нефти въ Пенсильванскихъ скважинахъ. Толщину самаго слоя нефти въ колодцахъ опредѣлить трудно. Столбъ ея бываетъ иногда до десяти саженъ высоты, иногда до нѣсколько вершковъ. Переслойка между жирными и нефтяными слоями тоже разная и тоже отъ нѣсколько вершковъ до нѣсколькихъ саженъ. Опредѣленнаго нѣтъ ничего.

Воздухъ вышекъ и сараевъ, стоящихъ надъ колодцами и фонтанами, весь насквозь пропитанъ спиртными испареніями нефти. Одна искорка огня, и все можетъ взлетѣть на воздухъ, люди, строенье и машины. Поэтому здѣсь строго запрещается курить, и все освѣщеніе—электрическими лампами. Несмотря на эту ежеминутную смертную опасность, рабочіе на скважинахъ получаютъ довольно умѣренное вознагражденіе. Цѣну на нихъ больше всего сбили персы, довольствующіеся всякимъ грошемъ. Они самые дешевые и самые распространенные рабочіе Закавказья. Здѣсь они получаютъ по 15 руб. въ мѣсяцъ на своихъ харчахъ, имѣя отъ владѣльца скважины только казарму для жилья. Русскіе рабочіе гораздо дороже, гораздо умнѣе, гораздо сильнѣе; они сработаютъ вдвое противъ лѣниваго, маломосильнаго и тупого перса. Но ихъ пока очень мало въ Баку, да и какіе есть, появились только недавно. Они и за поденную работу получаютъ здѣсь на скважинахъ двойную плату, по 1 р. сер. въ день вмѣсто 50 коп. перса. Татары тоже много понятливѣе персіянъ. Оттого всѣ болѣе важныя должности рабочихъ заняты теперь въ Балаханахъ татарами, преимущественно казанскими; а между тѣмъ старшіе рабочіе нерѣдко получаютъ здѣсь по 50 руб. и болѣе въ мѣсяцъ. Рабочихъ здѣсь требуется громадное количество, потому что скважины растутъ ежедневно, какъ грибы,

а добыча нефти происходитъ безостановочно днемъ и ночью, перемѣнными артелями рабочихъ. Мѣстной полиціи приходится таки повозиться съ ними! Драки, ссоры, убійства—то и дѣло возникаютъ между персами. Татары безпокойны такъ же точно. На каждомъ шагу у нихъ оружіе и кровь; съ русскими, правда, они рѣдко ссорятся, но мусульмане другъ съ другомъ—постоянно. Полиціи это доставляетъ изрядную работу, а между тѣмъ Балаханы не считаются городомъ, и мѣстный приставъ всего на всего имѣетъ въ своемъ распоряженіи шесть всадниковъ лезгинъ да одного урядника, — того самаго молодцоватаго джигита, что провожалъ насъ во главѣ своихъ чепаровъ на расшитомъ золотомъ персидскомъ чепракѣ. Даже казенной лошади для разѣздовъ не полагается приставу, хотя онъ долженъ держать ихъ не менѣе трехъ, чтобы поспѣвать вездѣ, гдѣ нужно.

Штаты здѣшней полиціи составлялись тогда, когда въ Балаханахъ было всего нѣсколько сотъ человѣкъ жителей, а теперь ихъ, слава Богу, не менѣе 12.000, да еще такихъ, для которыхъ нуженъ цѣлый отрядъ полицейскихъ.

Самое спокойное, трезвое и трудолюбивое населеніе Закавказья, молокане, не нанимается здѣсь ни на какія работы. Они живутъ богато, имѣютъ много лошадей и промышляютъ однимъ извозомъ. При въѣздѣ въ Балаханы мы встрѣтили оригинальную процессію ихъ. Пятнадцать четверокъ здоровыхъ лошадей, запряженныхъ одна за одною въ постромки изъ толстаго каната, тащили, дымясь отъ усталости, по выбоинамъ и лужамъ грязной дороги, громадный паровикъ въ 800 пудовъ вѣса. На каждой четвернѣ сидѣло по мужику, и по первому крику возницы всѣ эти верховые начинали отчаянно кричать, гукать, нокать, колотить пятками, махать руками, безостановочно стегая кнутами направо и налѣво своихъ взмыленныхъ коней, которые рывомъ брали съ мѣста тяжко загрузшія громоздкія дороги изъ бревенъ на низенькихъ дубовыхъ котелкахъ вмѣсто колесъ и нѣкоторое время дружно тянули ихъ, одуряемые и оглушаемые этими разноголосными понуканіями, пока не выбивались изъ силъ и

опять всѣ разомъ останавливались передохнуть, колотясь потными животами, до новыхъ неистовыхъ криковъ, до новаго дружнаго пріема...

Какъ легко доставалося имъ этотъ переѣздъ 16-ти верстъ отъ морской пристани въ Баку до Балахановскихъ колодцевъ, мы убѣдились очень наглядно. Паровикъ, который мы обогнали при въѣздѣ въ Сабунчи, мы встрѣтили еще на той же дорогѣ, возвращаясь черезъ 4 часа изъ Балаханъ; чугунное чудовище отдыхало, застрявши на какомъ-то глинистомъ косогорѣ; всѣ 60 лошадей его были выпряжены и кормились овсомъ, чтобы набраться новыхъ силъ — дотащить его остававшіяся двѣ, три версты.

Зато же молокане и берутъ за эти 16 верстъ около 200 руб. сер. Конкурентовъ имъ нѣтъ, только у нихъ есть и необходимая сноровка для этого не легкаго дѣла, и необходимая сбруя, и привычныя пріемистыя лошади, а перевозки эти бываютъ довольно часто и не терпятъ отсрочки.

Балаханы теперь многолюдный городокъ, снабженный всѣмъ, что требуется. Тутъ и желѣзная дорога, и телеграфъ, и телефонъ, и клубъ, и всякія лавки, и даже биржевые извощики. Многіе изъ владѣльцевъ буровыхъ скважинъ живутъ тамъ. Одна изъ владѣлицъ, г-жа Д., любезно пригласила насъ къ себѣ на чашку чая, и мы не безъ удовольствія отдохнули у нея полчаса послѣ своихъ утомительныхъ осмотровъ.

## IX.

## Черный городокъ.

Слѣдующій день мы всецѣло посвятили осмотру нефтяныхъ заводовъ.

Мы выѣхали рано и очень скоро добрались до Чернаго городка. Онъ тянется версты на 3 или 4 вдоль берега моря, съ сѣверной стороны Баку, и уже успѣлъ почти совсѣмъ слиться

съ нимъ. Странное впечатлѣніе произвелъ на меня этотъ сплошной городокъ заводовъ. Обыкновенныхъ домовъ вы въ немъ почти не видите. Кругомъ васъ со всѣхъ сторонъ толпятся многочисленныя черныя и сѣрыя круглыя башни, съ желѣзными стѣнами, желѣзными крышами, желѣзными стрѣлами громоотводовъ, настоящіе броненосные форты подъ своими флагштоками. Иныя изъ этихъ башенъ—узкія и высокія, съ желѣзными лѣсенками снаружи, словно дозорныя башни, охраняющія входъ въ крѣпость. И дѣйствительно, вся эта тѣсная кучка желѣзныхъ редутовъ, вмѣстѣ съ стоящими рядомъ плоскокрышими каменными блокгаузами безъ оконъ, съ цѣлыми замками, закопченными дымомъ, съ высокими черными трубами,— все это обнесено кругомъ каменными стѣнами и смотритъ настоящимъ укрѣпленіемъ. Нѣсколько сотъ такихъ укрѣпленій сбиты здѣсь на берегу моря. Въ дополненіе картины запасныя развѣтвленія желѣзнодорожныхъ рельсовъ, въ 10 и 12 параллельныхъ рядовъ, загромождены безконечными монистами вагоновъ-цистернъ, которыя въ это крѣпостной обстановкѣ производятъ впечатлѣніе своего рода артиллерійскаго парка, такія же сѣростальныя цвѣтомъ, съ такими же чудовищными круглыми брюхами, съ такими же широкими жерлами, хотя и заткнутыми.

Башни, блокгаузы, стѣны, пушки,—и отовсюду сгоняемые вѣтромъ въ одну сторону, въ сторону моря, стелящіеся хвосты сѣраго, бѣлаго, бураго и чернаго дыма; всѣ эти на четыре версты раскинутые крѣпостные верки дымятся и курятся, и вамъ издали представляется, что это идетъ ожесточенная канонада изъ всѣхъ орудій огромной береговой крѣпости по флотиліи осаждающихъ ее кораблей и пароходовъ, обсыпавшихъ теперь синюю бухту моря.

---

Заводы Нобеля находятся на самомъ дальнемъ краю Чернаго городка, ближе къ Балаханамъ. Желѣзныя круглыя башни ихъ нефтянаго депо эффектно возвышаются на вершинѣ при-

брежнаго холма тѣсною группою огромныхъ бѣлыхъ шатровъ своего рода, по которымъ издали всякій узнаетъ «Нобелевъ городокъ». За нимъ виднѣются дальше по берегу моря заводы Шибаева, Каспійско-черноморскаго товарищества (или, вѣрнѣе, Ротшильда) и другіе. Это уже «Бѣлый городокъ»—въ отличіе отъ Чернаго.

Городокъ заводовъ не даромъ названъ былъ Чернымъ. Въ недавнее еще время все, что жило въ этомъ гнѣздѣ дыма и копоти—дѣлалось неминуемо чернымъ, какъ сажа: люди и вещи, звѣри и птицы... Но послѣ были придуманы высокія трубы, отводившія дымъ въ верхніе слои воздуха, и жители городка, къ ихъ великому удовольствію, перестали подвергаться ежедневному копченію, на подобіе ветчины въ печной трубѣ.

Новѣйшая группа заводовъ уже по праву заслужила свое бѣлое имя.

---

Г. Рогге, у котораго я просилъ указаній для осмотра Баку, очень благоразумно посовѣтовалъ мнѣ осмотрѣть во всей подробности заводы Нобеля. Во всѣхъ остальныхъ заводахъ мы увидали бы то же самое, съ весьма незначительными измѣненіями, но далеко не въ такой полнотѣ и систематичности, далеко не въ такихъ грандіозныхъ размѣрахъ.

Хотя каждый заводъ выработалъ себѣ изъ практики какой-нибудь особый пріемъ дѣйствій, но тонкости эти могли быть интересны только для спеціалистовъ нефтяного дѣла и нисколько не занимали насъ съ женою—простыхъ любознательныхъ туристовъ.

Мы остановились у большого каменнаго дома конторы; отыскавъ главнаго представителя конторы, я вручилъ ему свою карточку и карточку г. Рогге и просилъ позволенія осмотрѣть заводы подъ чьимъ-нибудь руководствомъ. Толпа дѣлового народа наполняла обширныя комнаты конторы, гдѣ производились всякія справки и разсчеты. Но несмотря на сутолоку рабочаго дня, заправители конторы самымъ любезнымъ образомъ

отнеслись къ моему желанію. Черезъ нѣсколько минутъ явился и управляющій заводомъ, человѣкъ въ высшей степени общительный и обязательный. Онъ вызвался самъ показать и объяснить намъ въ послѣдовательности весь ходъ заводскихъ работъ.

Прежде всего посѣтителя поражаетъ удивительная чистота, порядокъ и отсутствіе суеты во всѣхъ этихъ громадныхъ и многочисленныхъ заведеніяхъ, составляющихъ изъ себя цѣлый отдѣльный городокъ. Тутъ однихъ рабочихъ 800 человѣкъ, а вы ихъ почти не видите и не слышите. Каждый знаетъ свое дѣло, каждый у своего мѣста. Всякая подробность заводскихъ процессовъ такъ обдумана и прилажена, что дѣло двигается словно само собою безостановочно, дружно, безшумно, какъ колеса хорошо устроенныхъ часовъ. Вездѣ, гдѣ было возможно, механическое приспособленіе замѣнило тяжелый трудъ человѣка, и вездѣ, гдѣ возможно было упростить и улучшить, улучшено и упрощено. И почти всѣ эти упрощенія и улучшенія, всѣ остроумные способы замѣнять живого человѣка машиною,—были изобрѣтены самимъ Нобелемъ. Покойный Людвигъ Нобель былъ геній своего рода и обладалъ замѣчательною способностью организовать всякое крупное практическое дѣло. Онъ началъ свою дѣловую карьеру съ Петербурга и уже тамъ пріобрѣлъ большой авторитетъ по части приготовленія взрывчатыхъ веществъ и разныхъ артиллерійскихъ снарядовъ. Динамитъ, между прочимъ, былъ изобрѣтенъ однимъ изъ братьевъ Нобелей (Альфредомъ). Самъ Людвигъ Нобель тѣсно связалъ свое имя съ перевооруженіемъ русской арміи, сначала ружьями Крынка, потомъ берданками, которыя онъ первый сталъ изготовлять на Ижевскомъ заводѣ изъ русской стали, вмѣсто всегда употреблявшейся иностранной.

Случайно одинъ изъ братьевъ Нобелей посѣтилъ Кавказъ и увлекся начавшеюся тогда въ Баку нефтяною горячкою. Людвигъ Нобель взялъ это новое дѣло въ свои талантливыя руки и довелъ его до той степени совершенства, на которомъ оно не стоитъ еще нигдѣ. Заводъ его сталъ лучшимъ по устройству и

обширнѣйшимъ по производительности нефтянымъ заводомъ во всемъ мірѣ, значительно выше всего того, что можетъ представить даже высоко цивилизованная Сѣверная Америка, гораздо ранѣе насъ начавшая разрабатывать богатыя мѣсторожденія пенсильванской нефти по рѣкамъ Оиль-Крику и Алегани. Нобель первый ввелъ у насъ перекачиваніе нефти по трубамъ нефтепровода изъ колодцевъ въ заводы, также какъ желѣзныя хранилища нефти и керосина. Нобель первый изобрѣлъ и завелъ у себя наливные пароходы и баржи; первый выстроилъ цѣлую армію вагоновъ-цистернъ для перевозки нефтяныхъ продуктовъ по желѣзнымъ дорогамъ, въ то время, когда еще сама Америка не знала другихъ способовъ перевозки нефти по морямъ и сушѣ, какъ простыя бочки. Техническимъ усовершенствованіямъ его въ заводской переработкѣ нефти—числа нѣтъ. На все имъ выработаны свои особенные способы и свои особенныя машины, которыя впослѣдствіи распространились среди другихъ заводчиковъ, какъ самыя выгодныя и удобныя; Нобель содержалъ на свой счетъ ученыхъ химиковъ и лабораторіи, дѣлалъ на свой счетъ всевозможные опыты и пробы, часто стоившіе очень дорого, а конкурирующіе съ нимъ заводы, дождавшись спокойно результатовъ этого опыта, безъ всякихъ затратъ и усилій съ своей стороны, вводили одно за однимъ въ свои заводы добытыя Нобелемъ улучшенія, которыя онъ ни отъ кого не хотѣлъ скрывать, а охотно давалъ изучать всѣмъ интересующимся. Можно сказать безъ преувеличенія, что никѣмъ другимъ, какъ Людвигомъ Нобелемъ, установлена окончательно теперешняя широкая и прочно утвердившаяся нефтяная промышленность Баку, а съ нею вмѣстѣ и его огромное торговое значеніе.

До нефтепроводовъ Нобеля бакинскимъ заводчикамъ не было возможности непрерывно приготовлять керосинъ на своихъ заводахъ, потому что нефть подвозилась къ нимъ на арбахъ въ бурдюкахъ и бочкахъ, и въ дурную погоду подвозъ ея прекращался вовсе. Точно также затруднена была и отправка готоваго керосина въ бочкахъ на парусныхъ судахъ по морю, къ

устью Волги, тоже всецѣло зависѣвшая отъ погоды. Нобелю главнымъ образомъ обязаны наши пароходы, желѣзныя дороги и заводы дешевымъ топливомъ изъ нефтяныхъ отбросовъ, которые до него бо́льшею частью погибали безполезно. Вслѣдствіе всѣхъ усовершенствованій Нобеля, керосинъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ доступныхъ и распространенныхъ по своей дешевизнѣ продуктовъ; онъ проникъ въ самыя бѣдныя и глухія крестьянскія избы, въ самыя далекія отъ насъ страны; какъ Китай. Въ 1878 году пудъ его стоилъ въ Баку 1 р. 50 к., а въ послѣдніе годы считается выгодною цѣна керосина на мѣстѣ въ 10 и 12 коп.

Технологическій институтъ въ Петербургѣ оцѣнилъ такую просвѣщенную и плодотворную дѣятельность энергическаго заводчика. Людвигъ Нобель первый получилъ отъ него званіе «Почетнаго инженеръ-технолога», до тѣхъ поръ никому никогда не дававшееся.

Дѣятельность этого талантливаго шведа тѣмъ симпатичнѣе, что онъ не стремился только создавать милліоны для самого себя, а работалъ какъ фанатикъ своего дѣла надъ его правильною научною постановкою, не жалѣя никакихъ трудовъ и расходовъ, и въ то же время необыкновенно сердечно относился къ положенію людей, трудами которыхъ росло его громадное предпріятіе.

Трогательно видѣть, съ какою заботливостью устроилъ онъ на своемъ заводѣ бытъ всѣхъ своихъ служащихъ, отъ простого работника до директора.

Мы посѣтили образцы всякаго рода помѣщеній, и единственную комнату семейнаго рабочаго и роскошныя гостиныя главныхъ руководителей дѣла, ихъ клубы, ихъ залы для танцевъ, и можемъ смѣло сказать, что ни на какомъ русскомъ заводѣ не видѣли ничего подобнаго. Каждый служащій на заводѣ является въ извѣстной мѣрѣ его пайщикомъ, то-есть получаетъ кромѣ жалованья назначенный ему процентъ съ дохода; черезъ это всякій рабочій дѣлается нѣкоторымъ образомъ за-

интересованнымъ въ успѣшномъ ходѣ завода и мало-по-малу привыкаетъ считать его дѣйствительно «своимъ» заводомъ. На заводѣ устроена и общая столовая для холостыхъ служащихъ, и бильярдъ, и кегли, и библіотека, и школы для дѣтей, и аптека, и пріемный покой, и 24 кровати въ больницѣ, и сберегательная касса, и линейки для даровыхъ разъѣздовъ по заводамъ, и пароходъ для даровыхъ поѣздокъ въ городъ, и даровой ежедневный привозъ изъ Астрахани всѣхъ необходимыхъ продуктовъ по оптовой цѣнѣ. Рабочіе, постигнутые какими-нибудь несчастіями, и ихъ семьи получаютъ отъ Нобеля денежныя пособія и пожизненныя пенсіи; въ настоящее время у него до 30 такихъ пенсіонеровъ. На однѣ награды служащимъ своего завода онъ ежегодно расходуетъ, словно любое министерство, до 180.000 рублей. А сколько служащихъ на заводѣ можно судить по тому, что однихъ только, получающихъ жалованья болѣе 1.500 руб. въ годъ, считается на заводѣ 120 человѣкъ!

Конечно, администраціи завода приходится примѣнять не только однѣ мѣры благотворительности къ своимъ рабочимъ. При разноплеменности ихъ и сбродѣ ихъ со всѣхъ концовъ свѣта, драки и ссоры между ними случаются чаще, чѣмъ гдѣ-нибудь, а ужь про пьянство и говорить нечего. Но, по словамъ управляющаго, у нихъ практикуется система взысканій, очень быстро отрезвляющая пьяницъ и всякій безпорядочный народъ. Ихъ просто не берутъ на работу въ теченіе опредѣленнаго времени, и это дѣйствуетъ убѣдительнѣе всего.

Собственно говоря, смѣшно называть заводомъ этотъ цѣлый Нобелевскій городокъ, въ которомъ сосредоточены многіе разнообразные заводы, и который занимаетъ собою пространство въ 35 десятинъ, не считая 23 десятинъ, занятыхъ нефтяными колодцами Балаханъ.

Людвигъ Нобель не останавливался на полудорогѣ и все стремился дальше и дальше къ такому усовершенствованію заводскихъ процессовъ, при которомъ ничто бы не терялось да-

ромъ, а все служило источникомъ дохода. Черезъ это онъ вынужденъ былъ, такъ сказать, попутно основать при своемъ керосинномъ заводѣ цѣлый рядъ побочныхъ самостоятельныхъ производствъ, необходимыхъ для его главной цѣли.

И во всѣ эти разнообразныя производства онъ внесъ то же основательное улучшеніе, тотъ же свой изобрѣтательный геній, ту же свою удивительную практичность.

Въ городкѣ у него и собственный газовый заводъ, и заводъ для электрическаго освѣщенія, и заводъ для выдѣлки соды изъ очистительныхъ матеріаловъ керосиннаго завода, и заводъ сѣрной кислоты, необходимой для очищенія керосина, и механическій заводъ для приготовленія машинъ, съ прекрасною кузнею, точильнею и проч., и бензинный заводъ, и заводъ тяжелыхъ горныхъ маслъ, словомъ 8 отдѣльныхъ заводовъ, не считая своей собственной лѣсопильни, бондарни, столярни, собственной ломки камня, собственнаго нефтепровода съ пріемною и раздаточною станціями, собственныхъ буровыхъ скважинъ и фонтановъ не только въ Сабунчи и Балаханахъ, но и въ разныхъ другихъ мѣстахъ Кавказскаго перешейка, и на островѣ Телекенѣ на Каспійскомъ морѣ, и даже въ Закаспійской области. 12 собственныхъ наливныхъ пароходовъ и 15 такихъ же нанятыхъ пароходовъ совершаютъ постоянные рейсы между собственною пристанью Нобелевскаго завода и Астраханью и другими городами Каспія, для перевозки керосина, нефти и нефтяныхъ остатковъ.

Этому множеству пароходовъ не удивишься, когда сообразишь, что заводъ Нобеля передѣлываетъ въ годъ нефти страшную цифру—54 милліона пудовъ! Ежедневно перекачивается въ заводъ по нефтепроводу изъ Балаханъ своей и чужой нефти до 180.000 пудовъ и ежедневно вырабатывается изъ нея до 65.000 пудовъ керосина. И все это достигнуто въ какія-нибудь 12 лѣтъ существованія завода. Теперь его годовой бюджетъ доходитъ, словно бюджетъ какого-нибудь министерства,—до $3^1/_2$ милліоновъ рублей, а стоимость его инвентаря до 6 милліоновъ.

Мы внимательно прослѣдили отъ а до зетъ всѣ послѣдовательные процессы этого интереснаго производства.

Нефть, прибывающая по нефтепроводу изъ Балаханъ въ пріемную станцію, особыми насосами толкаетъ оттуда въ первый очистительный заводъ. Но чтобы не тратить на ея согрѣваніе слишкомъ много топлива, а съ другой стороны, чтобы охладить дешевымъ способомъ, такъ называемый «мазутъ», или нефтяной деготь, стекающій по трубамъ совсѣмъ горячимъ, какъ ненужный остатокъ при выработкѣ керосина,—Нобель очень остроумно заставляетъ сначала притекающую нефть соприкасаться съ горячими трубами мазута, чѣмъ въ одно и то же время достигаетъ двухъ цѣлей—нагрѣванія нефти и охлажденія мазута.

Въ первомъ очистительномъ заводѣ происходитъ только умѣренное нагрѣваніе нефти посредствомъ девяти паровыхъ цилиндровъ; наиболѣе легкіе газы, какъ газолинъ и др., выдѣляются здѣсь изъ нея и по верхнимъ трубамъ уходятъ въ заводъ, гдѣ приготовляется бензинъ, самое легкое и самое легковоспламеняющееся вещество изъ всѣхъ горючихъ продуктовъ нефти. Болѣе же тяжелыя составныя части нефти, изъ которыхъ долженъ получиться керосинъ, переливаются по нижнимъ трубамъ изъ этого перваго завода во второй.

Тамъ уже не 9, а 42 паровыхъ цилиндра и нагрѣваніе болѣе сильное. Чтобы не производить взрыва, паръ впускается въ паровики предварительно нагрѣтый до 200°. Страшно двигаться съ непривычки мимо этихъ многочисленныхъ огнедышащихъ жерлъ, гдѣ толстые чугунные котлы, раскаленные пламенемъ, кажутся какими-то сквозными хрустальными кружками нѣжнаго огненно-краснаго цвѣта. Топка производится салоровымъ масломъ, получаемымъ тутъ же на заводѣ въ числѣ нефтяныхъ отбросовъ; оно льется постепенно само собою въ горячія печи изъ невидимаго намъ хранилища, и рука человѣка нигдѣ не прикасается ни къ печи, ни къ топливу. Длинные корридоры, гдѣ раскаляется столько котловъ и бушуетъ столь-

ко пламени, остаются безмолвными и безлюдными, сверкая въ полутьмѣ рядами своихъ огромныхъ кроваво-огненныхъ глазъ... При этой разумной механической системѣ на 14 паровиковъ полагается всего одинъ истопникъ, чѣмъ достигается точно такъ же, какъ и собственнымъ топливомъ, значительное удешевленіе производства.

Газы, получаемые здѣсь, уже тяжелѣе первыхъ; они перегоняются по трубамъ въ третье отдѣленіе завода, гдѣ имъ предстоитъ обратиться въ жидкость. Для этой цѣли устроено цѣлое грандіозное сооруженіе. Морская вода особыми насосами накачивается въ громадный резервуаръ или, скорѣе, искусственный прудъ, насосами же поднимается оттуда высоко наверхъ и оттуда льется потоками на частую систему трубъ, по которымъ проходятъ нагрѣтые газы... Ежедневно расходуется на эту процедуру до 2 милліоновъ ведеръ воды. Газы охлаждаются и въ третьемъ отдѣленіи завода выливаются въ видѣ жидкостей разнаго цвѣта и плотности изъ своихъ трубъ въ особые желѣзные закрома, раздѣленные продольными перегородками на нѣсколько отдѣленій. Опытные рабочіе стоятъ около этихъ закромовъ и направляютъ краны трубъ то въ одно отдѣленіе, то въ другое, смотря по плотности и цвѣту жидкости, которую они ежеминутно черпаютъ и испытываютъ ареометромъ въ особыхъ черпачкахъ на длинныхъ рукояткахъ. Тутъ получаются въ одно и то же время самые разнообразные горючіе продукты: разные сорта керосина, салоровое и другія масла. Вещества эти всѣ однако смѣшаны здѣсь съ водою, такъ что въ отдѣленіяхъ закромовъ вода собирается внизу, а болѣе легкій керосинъ и масла на верху ея. Отворяя верхнія отверстія, даютъ керосину стекать въ особыя трубы, а вода удаляется послѣ, черезъ нижнія отверстія. Отсюда керосинъ поступаетъ уже въ очистку отъ цвѣтныхъ и всякихъ другихъ примѣсей. Съ этой цѣлью устроенъ особый заводъ сѣрной кислоты.

Три отдѣльныя огромныя зданія заняты заводомъ сѣрной кислоты. Тутъ и склады сѣры, частью дагестанской и закас-

пійской, но большею частью сицилійской. Насъ водилъ по этимъ складамъ и по свинцовымъ удушливымъ камерамъ, гдѣ приготовляется кислота, управляющій заводомъ, простой владимірскій крестьянинъ. Всѣ сосуды на этомъ заводѣ—свинцовые; а чашки для сгущенія кислоты нагрѣваніемъ—изъ платины. Такая чашка, всего 5-ть вершковъ вышины, стóитъ 7.000 рублей. Всѣ остальные металлы и вещества разъѣдаются кислотою и не могутъ служить здѣсь. Признаться, мы не нашли никакого удовольствія дышать воздухомъ смерти, которымъ наполненъ заводъ, несмотря на искусную вентиляцію. Сѣра стоитъ въ горлѣ, сѣра ѣстъ глаза. Нужно изумляться старику-владимірцу, который спокойно пребываетъ въ этомъ «жупелѣ» который ужъ годъ и, повидимому, вовсе не собирается отправляться ad patres.

Сѣрная кислота, примѣшиваясь къ керосину, очищаетъ его отъ цвѣтныхъ примѣсей, но ее самое необходимо удалить изъ керосина. Для этого ее ловятъ какъ рыбу на крючокъ, подсыпая въ керосинъ натръ, съ которымъ кислота неудержимо соединяется въ сѣрнокислую соль натра, осаждающуюся въ видѣ твердаго порошка. Цѣлый рядъ башенъ-мѣшалокъ устроенъ съ этою цѣлью сейчасъ же за сѣрнымъ заводомъ. Мы входили по желѣзнымъ лѣсенкамъ наверхъ этихъ башенъ и сквозь отверстія крыши любовались водоворотами и брызгами керосина, клокочущаго, какъ пучина ада. Способъ мѣшать натръ съ керосиномъ посредствомъ сильнаго притока воздуха,—изобрѣтенъ также самимъ Нобелемъ. Могучіе насосы гонятъ черезъ особыя трубы воздухъ въ башни-мѣшалки, и этотъ-то искусственный бурунъ заставляетъ пѣниться, волноваться и клокотать налитыя въ башни массы керосина. Освобожденный отъ сѣрной кислоты, а вмѣстѣ съ тѣмъ обезцвѣченный, керосинъ стекаетъ по трубамъ въ особое помѣщеніе, гдѣ онъ отстаивается и перекачивается затѣмъ въ резервуары, откуда уже прямо поступаетъ для продажи на желѣзную дорогу и пароходы, а остающійся на днѣ мѣшалокъ сѣрнокислый натръ поступаетъ въ свою очередь

на содовый заводъ, гдѣ, съ помощью хлористаго кальція, его обрабо́тываютъ въ углекислый натръ, т.-е. обыкновенную соду.

Мы осмотрѣли и способъ наливки керосина въ вагоны-цистерны. Множество трубъ безконечными змѣями вспалзываютъ на высокую сквозную платформу и свѣшиваются съ нея внизъ своими колѣнчатыми концами. Съ помощью ихъ подвигаемые снизу по рельсамъ, вагоны-цистерны наливаются черезъ верхнія свои устья; въ 12 минутъ наполняется цѣлый вагонъ.

Заводъ имѣетъ свою собственную желѣзную дорогу, идущую съ одной стороны до морской пристани, съ другой — до Бакинско-Батумской желѣзной дороги, на которую прямо въѣзжаютъ ея готовые поѣзда вагоновъ-цистернъ, полныхъ керосиномъ. Заводъ имѣетъ не только собственную администрацію для своей желѣзной дороги, но даже и свою таможню. Министерство финансовъ держитъ на заводѣ особаго таможеннаго чиновника, который получаетъ отъ завода помѣщеніе и частью содержаніе, и назначается исключительно для дѣлъ завода.

Заводы различныхъ маслъ, болѣе тяжелыхъ, чѣмъ керосинъ, устроены совершенно на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и керосиновый заводъ. Масла эти подвергаются рѣшительно всѣмъ тѣмъ же процессамъ и въ той же самой послѣдовательности, какъ и керосинъ; вся разница только въ томъ, что они подвергаются болѣе сильному нагрѣванію, до 400°, вслѣдствіе чего и пары впускаются въ паровикъ совершенно сухіе, предварительно нагрѣтые до 300°.

Постоянныхъ названій для этихъ маслъ не существуетъ, а каждый заводъ придаетъ имъ свои особственныя имена. У Нобеля, напр., вырабатывается такъ-называемое веретеночное (болѣе легкое) масло, машинное (болѣе тяжелое) и салоровое,— самое тяжелое, употребляемое заводомъ на топку болѣе чистыхъ помѣщеній. На кухняхъ же и въ другихъ мѣстахъ, такъ же какъ и на пароходахъ и паровозахъ желѣзныхъ дорогъ—жгутъ «мазутъ»,—густую массу въ родѣ дегтя, остающуюся отъ выдѣлки маслъ.

Бензиновый заводъ, хотя въ общемъ устроенъ такъ же, какъ керосиновый, имѣетъ нѣкоторыя свои особенности. Прежде всего доступъ въ него строго воспрещенъ. Онъ обнесенъ особою каменною стѣною, и тамъ зорко слѣдятъ, чтобы никто изъ входящихъ не курилъ и не зажигалъ огня ни подъ какимъ предлогомъ. Освѣщеніе здѣсь только электрическое, да и то устроено не внутри завода, а снаружи, за стеклами оконъ. Такъ боятся взрывовъ въ этомъ воздухѣ, наполненномъ однимъ изъ самыхъ летучихъ и самыхъ быстро-воспламеняющихся газовъ. Какъ ни разумно устроено все на этомъ заводѣ, какъ ни внимательно слѣдитъ за порядкомъ здѣшняя администрація, но въ этомъ громадномъ очагѣ всякихъ горючихъ веществъ, разумѣется, невозможно уберечься отъ неожиданныхъ несчастій, и случаи взрывовъ и увѣчья здѣсь, конечно, бываютъ. Какъ-то лопнула, напр., труба и убила взрывомъ газа до пятнадцати человѣкъ рабочихъ и любопытныхъ зрителей.

Газолинъ и другіе легкіе газы, направляемые въ бензиновый заводъ, проходятъ въ концѣ концовъ въ высокую желѣзную башню, по которой, въ качествѣ любознательныхъ туристовъ, задавшихся цѣлью осмотрѣть всю подноготную завода,— поднялись съ нѣкоторымъ жуткимъ чувствомъ и мы съ женою. Вся середина круглой башни пересѣкается множествомъ поперечныхъ желѣзныхъ кружковъ, чередующихся другъ надъ другомъ; сквозь эти желѣзныя блюда своего рода проходятъ трубочки съ газомъ. Газы, которые потяжелѣе и которые не должны входить въ составъ бензина, остываютъ ранѣе и опускаются внизъ, а самые легкіе, освободившись отъ болѣе тяжелыхъ примѣсей, подымаются на самый верхъ башни, гдѣ попадаютъ подъ струи холодной воды, постоянно текущей на ихъ трубы. Здѣсь газы обращаются въ жидкій бензинъ, который претерпѣваетъ затѣмъ тѣже процессы очищенія сѣрною кислотою и натромъ, какъ и керосинъ, только при иной температурѣ и въ иныхъ пропорціяхъ смѣси.

Любезный путеводитель нашъ предложилъ намъ зайти пере-

дохнуть немножко къ управляющему химическими заводами. Молодой шведъ живетъ очень уютно въ свѣтленькой и чистенькой квартиркѣ, полной цвѣтовъ и книгъ. Передъ нами сразу выросла батарея винъ, ликеровъ, пива. Мы выпили по стакану пива и, побесѣдовавъ нѣсколько минутъ съ почтеннымъ хозяиномъ, попросили его показать намъ жилища рабочихъ. Они помѣщаются въ особомъ дворѣ, съ особыми воротами, которыя мы нашли запертыми на ключъ, вѣроятно, потому, что хозяева квартиръ были всѣ на работѣ. Чистота и порядокъ во дворѣ и въ жилищахъ образцовые. Крытыя галлереи выходятъ на вымощенный дворъ, служа очень удобнымъ лѣтнимъ помѣщеніемъ для своихъ хозяевъ, особенно для дѣтей. На дворѣ фонтанъ съ водою и резервуаръ для салороваго масла, которое служитъ топливомъ. Хозяйкѣ не нужно никуда ходить: ни за водой, ни за дровами—все у нея подъ рукою. Каждый семейный рабочій имѣетъ особую комнату, достаточно просторную, свѣтлую и убранную очень опрятно. Сейчасъ у входа крошечная экономическая печь для кухни, въ которой все приспособлено къ быстрому и удобному приготовленію. Салоровое масло само течетъ въ печь изъ особаго резервуара на стѣнкѣ. Въ глубинѣ комнаты—спальня хозяевъ, почти у всѣхъ разукрашенная занавѣсками, пологами, картинками. У старшихъ рабочихъ по двѣ комнаты—жилая и кухня, и убранство еще болѣе приличное и красивое. Харчи всѣ рабочіе имѣютъ отъ себя. Жалованье они получаютъ самое разнообразное—отъ 18 до 120 руб. въ мѣсяцъ. Очень многіе получаютъ отъ 18 до 60 руб., но есть и такіе, особенно въ механическомъ заводѣ, которые вырабатываютъ по 4 руб. въ день, работая издѣльно. Работы на заводахъ продолжаются непрерывно, день и ночь. Однѣ артели смѣняютъ другія. Рабочій день для всѣхъ—10 часовъ. Даже въ первый день Свѣтлаго Праздника работы не останавливаются; но тогда христіанъ замѣняютъ персами и татарами.

Въ квартирахъ химическаго завода я видѣлъ и магометанскія семьи. Мы захватили, между прочимъ, на одной изъ гал-

лерей смазливую тщедушную дѣвочку, ребенка-ребенкомъ. Она оказалась, однако, супругою рабочаго-перса и матерью 2-хъ или 3-хъ дѣтей. Персами заводъ доволенъ за ихъ трезвость и безропотное послушаніе. Много здѣсь, однако, и нѣмцевъ, и шведовъ. Старшіе служащіе и техники почти исключительно шведы что, конечно, естественно за заводѣ шведа Нобеля. Удивительно еще, что главный директоръ завода, Л. Ф. Рихтеръ, русскій; впрочемъ, и онъ женатъ на финляндкѣ, кажется родственницѣ владѣльца.

Послѣ химическихъ заводовъ мы осмотрѣли еще огромные склады всякихъ матеріаловъ для завода, цѣлое интендантское вѣдомство своего рода, содержимое съ настоящею шведскою аккуратностью и въ замѣчательномъ порядкѣ; всякую мельчайшую вещь можно найти сразу среди милліоновъ мелкихъ вещей, благодаря педантически строгой системѣ.

Механическій заводъ даетъ о себѣ знать издали оглушительнымъ грохотомъ молотовъ. Насъ больше всего заняла сварка и склепываніе огромныхъ паровыхъ цилиндровъ. Они рдѣютъ, какъ раскаленный уголь на страшномъ огнѣ, который настоящею бурею устремляется на нихъ изъ горновъ. Хотя поддувалъ никакихъ нѣтъ, но нефть своимъ быстрымъ сгораніемъ производитъ пустоту, въ которую жадно врывается окружающій воздухъ, производя вѣтеръ сильнѣе всякихъ кузнечныхъ мѣховъ.

Въ другомъ отдѣленіи завода громадный паровой молотъ съ легкостью, точностью и изяществомъ англійской швейной машины расплющиваетъ и мнетъ, будто кусокъ мягкаго тѣста, тяжеловѣсныя глыбы раскаленнаго желѣза. Осмотрѣвъ по дорогѣ лѣсопильни, столярню и токарню завода, и заводъ для выдѣлки свѣтильнаго газа, мы проѣхали на заводскую пристань. Нобелю принадлежитъ здѣсь цѣлая бухточка, загроможденная теперь его пароходами и баржами. Длинная эстокада на столбахъ вдается въ море, и по ней ползутъ въ нѣсколько рядовъ трубы нефтепроводовъ. Пароходы и баржи придвигаются вплотную къ эстокадѣ и прямо изъ крановъ трубъ наливаютъ свои громадные

резервуары керосиномъ или нефтяными остатками. Мы подробно осмотрѣли одинъ изъ Нобелевскихъ наливныхъ пароходовъ. Онъ только-что былъ отдѣланъ на пристани заводскими мастеровыми и сверкалъ, какъ съ иголочки, своими хорошенькими спальными каютами, столовыми, кухонками. Служащимъ приходится цѣлые мѣсяцы сряду жить на пароходѣ, поэтому это пловучее жилье ихъ отдѣлано съ комфортомъ и вкусомъ хорошенькихъ городскихъ квартиръ. Керосинъ помѣщается въ трюмѣ, обитомъ изнутри желѣзомъ, да въ особомъ резервуарѣ, устроенномъ на носу парохода, рядомъ съ машиною. Присутствіе ихъ совершенно незамѣтно, и мы путешествовали по изящнымъ помѣщеніямъ парохода, словно онъ былъ приготовленъ для какой-нибудь увеселительной прогулки по Волгѣ. Что касается до меня, то я, во всякомъ случаѣ, не соблазнялся этимъ изяществомъ и съ сожалѣніемъ думалъ о смѣлыхъ людяхъ, которые рѣшаются дневать и ночевать цѣлые годы надъ этимъ пороховымъ погребомъ своего рода.

Морская вода около пристани и береговъ надалеко подернута жирнымъ налетомъ и окрашена въ бурый цвѣтъ нефти. Это очень разрушительно дѣйствуетъ на обшивку судовъ, потому что нечистыя воды, стекающія изъ очистительныхъ заводовъ, уносятъ съ собою и кислоты. На заводѣ во́ды эти нѣсколько разъ на всемъ пути задерживаются въ особыхъ «западняхъ», т.-е. ямахъ, раздѣленныхъ щитами, въ которыхъ отстаивается жиръ; но все-таки этою мѣрою не удается удержать на мѣстѣ всѣхъ нефтяныхъ остатковъ, и они продолжаютъ заражать собою море.

Осмотръ свой мы окончили посѣщеніемъ «виллы Петролеи»,—мѣстопребыванія всѣхъ главныхъ распорядителей и дѣятелей Нобелевскихъ заводовъ. Вилла расположена на самомъ берегу моря, въ полутора верстахъ отъ завода. Песчаный гребень отдѣляетъ отъ остальной равнины приморскій склонъ, въ которомъ пріютилась эта хорошенькая дача. Черный дымъ и удушливый запахъ безчисленныхъ заводскихъ трубъ не дости-

гаютъ сюда. Утомленный труженикъ здѣсь можетъ полною грудью вдохнуть въ свои легкія бодрящій воздухъ моря и отдохнуть взоромъ на умирающихъ горизонтахъ голубой дали.

Нѣсколько очень красивыхъ и помѣстительныхъ зданій построено въ виллѣ.

Въ одномъ изъ нихъ клубъ для служащихъ съ библіотекою и бильярдною, съ очень обширною танцовальною залою. Клубъ этотъ посѣщается множествомъ посторонней публики, кромѣ служащихъ на заводѣ, такъ что заводскія линейки и заводскій паровой катеръ въ извѣстные дни постоянно заняты привозомъ и отвозомъ гостей. Впрочемъ, съ Бакинскаго вокзала ходитъ паровая конка до самой конторы Нобеля, а отъ вокзала до города—простая конка.

Въ другомъ зданіи устроенъ прекрасный Kegelbahn, съ буфетомъ и пивною. Всѣ объявленія и правила кегельной игры писаны по-шведски, потому что громадное большинство играющихъ въ кегли шведы. На содержаніе кегельбана собирается одними штрафами до 1.000 руб. въ годъ.

Два самыхъ большихъ дома-виллы, своего рода дворцы, построены въ итальянскомъ стилѣ, изъ тесаного камня, съ живописными галлереями, заняты квартирами служащихъ. Мы заходили въ нѣкоторыя изъ нихъ, знакомясь на нѣсколько минутъ съ ихъ любезными хозяевами. Тутъ все почти шведы, и поэтому вездѣ шведскій порядокъ и чистота. Кухни сверкаютъ своею посудою, будто магазинъ мѣдныхъ вещей. Помѣщенія у всѣхъ удобныя и просторныя. Насъ вездѣ настойчиво угощали ликерами, кофе, коньякомъ. Главный директоръ заводовъ живетъ тоже на «виллѣ Петролеи». Его домъ—настоящая дача, окруженная цвѣтниками и виноградными галлереями; большой виноградникъ недавно разбитъ передъ домомъ. Рядомъ разводится и садъ. Здѣшняя почва и климатъ убійственны для садоводства, такъ что, несмотря на большія затраты, несмотря на ежедневную поливку деревьевъ водою, привозимою изъ Астрахани, результаты трудовъ еще далеко не блестящи. Теперь

сюда проведенъ водопроводъ, и можно надѣяться, что съ помощью его этотъ прелестный уголокъ обратится изъ теперешней «керосиновой виллы» villa petrolea,—въ настоящую зеленую и цвѣточную виллу, которая станетъ украшеніемъ морского берега.

Послѣ долгихъ рысканій нашихъ по всѣмъ закоулкамъ заводовъ, было необыкновенно отрадно отдохнуть въ тѣнистыхъ и комфортабельныхъ комнатахъ гостепріимныхъ хозяевъ завода.

Л. Ф. Рихтеръ познакомилъ насъ съ своею женою и за сытнымъ завтракомъ, согрѣтымъ не однимъ стаканомъ отличнаго мѣстнаго вина, сообщилъ намъ многое, что интересовало насъ въ этомъ совсѣмъ для насъ новомъ дѣлѣ. Л. Ф., хотя носитъ нѣмецкую фамилію, но представляетъ собою чистѣйшій типъ русскаго человѣка, и по наружности, и по характеру. По образованію своему онъ морякъ и прежде завѣдывалъ пароходствомъ Нобеля; но потомъ взялся за нефтяное дѣло, былъ управляющимъ Шибаевскаго завода, а теперь управляетъ самымъ обширнымъ нефтянымъ предпріятіемъ во всемъ Кавказѣ. Родной братъ его управляетъ какимъ-то англійскимъ заводомъ въ Ливерпулѣ. Кажется, только одинъ русскій человѣкъ способенъ на такую разнородную дѣятельность безъ спеціальной подготовки къ ней.

Между прочимъ мы разговорились о пресловутомъ появленіи Ротшильда на россійскомъ нефтяномъ горизонтѣ.

— Намъ Ротшильдъ ничѣмъ и нисколько не мѣшаетъ,—спокойно отвѣтилъ мнѣ Л. Ф. И я думаю, что никому онъ не могъ принести вреда. Не онъ, такъ другой капиталистъ занялся бы этимъ дѣломъ. Ослабѣвшія фирмы безъ него все равно пали бы, а онъ имъ все-таки помогъ продержаться и можетъ быть поправиться. Конечно, онъ помогъ имъ не безъ собственной выгоды, какъ помогаютъ всякій банкъ и всякій торговецъ. Здѣсь дѣла найдется для всѣхъ, и конкуренціи бояться нечего. Это только газеты сдѣлали почему-то изъ Ротшильда какое-то пугало.

Совершенно тотъ же взглядъ на появленіе здѣсь Ротшильда

слышалъ я ранѣе отъ В. Н. Рогге, имѣющаго, конечно, въ своемъ распоряженіи самыя убѣдительныя данныя для безпристрастнаго сужденія объ этомъ предметѣ. Онъ говорилъ мнѣ, что и первое появленіе Нобеля въ Баку было встрѣчено такими же опасеніями и недовѣріемъ, какъ теперь Ротшильда. И однако Нобель оказался благодѣтельною силою въ исторіи нефтяного дѣла, могуче двинувъ его впередъ, развивъ его до совершенства и помогши черезъ это нажиться многимъ предпріимчивымъ людямъ, хотя, конечно, онъ работалъ въ своихъ интересахъ и самъ наживалъ милліоны. Если бы не Нобели, не Ротшильды и имъ подобные просвѣщенные капиталисты, нефтяное дѣло въ Баку, по мнѣнію почтеннаго администратора края, спало бы до сихъ поръ прежнимъ сномъ; у мелкихъ промышленниковъ не хватило бы ни средствъ, ни умѣнія организовать его на широкихъ началахъ. Лучшимъ доказательствомъ, что тревога, забитая газетами по поводу Ротшильда, была вызвана искусственно, г. Рогге приводитъ то обстоятельство, что Ротшильдъ недавно предложилъ, не дожидая окончанія контрактовъ, выйти изъ своего союза всѣмъ нежелающимъ. И что же? Такихъ нежелающихъ нашлось всего не болѣе 5. Скоро кончится пятилѣтіе, на которое заключенъ Ротшильдомъ контрактъ съ нефтепромышленниками, и онъ ничуть не торопится возобновить его. Хотя многіе стали теперь на ноги съ его помощью и, по всей вѣроятности, захотятъ освободиться отъ обязательствъ своихъ передъ нимъ. Даже очень крупные нефтепромышленники воспользовались возможностью кредита у Ротшильда, какъ у всякаго другого банка, напр., Тагіевъ, бывшій не очень давно простымъ носильщикомъ-татариномъ, а теперь чуть ли не богатѣйшій изъ бакинскихъ купцовъ, владѣлецъ конки, театра, множества домовъ, заводовъ, пароходовъ и многихъ десятинъ нефти. Онъ тоже взялъ у Ротшильда 200.000 руб. и уже, конечно, не съ цѣлью поступить къ нему въ экономическое рабство. Точно также взяло у Ротшильда 150.000 Каспійское товарищество и др. Не бралъ у Ротшильда денегъ чуть ли не одинъ только

Нобель, да еще, пожалуй, Шибаевъ,—этотъ русскій мужичекъ-самоучка, ведущій свои заводы исключительно на собственныя денежки и достигшій въ нефтяномъ дѣлѣ большихъ результатовъ. Масла его считаются здѣсь самыми лучшими изо всѣхъ. Очистка ихъ доведена до такого совершенства, что нѣкоторые сорта его не имѣютъ ни малѣйшаго цвѣта и запаха и нерѣдко замѣняютъ прованское масло въ маринадахъ сельдей и прочихъ консервахъ. Государь Императоръ въ недавній пріѣздъ свой на Кавказъ посѣтилъ кромѣ заводовъ Нобеля и оригинальный заводъ Шибаева, какъ представителя здѣсь русской промышленной силы. Заводы Шибаева точно такъ же, какъ и Ротшильда,—то-есть, основаннаго имъ Каспійско-Черноморскаго товарищества,—находятся по сосѣдству съ Нобелевскими, но уже въ Бѣломъ городкѣ, версты $1^1/_2$ дальше по берегу моря. Берегъ этотъ—начало Апшеронскаго полуострова, этого главнаго очага нашихъ нефтяныхъ источниковъ. Апшеронскій полуостровъ тянется на 65 верстъ по морю и на 20 верстъ въ глубь материка.

Сабунчи, Балаханы, Сураханы и другія мѣстности съ нефтяными ключами—всѣ въ его предѣлахъ.

Теперь нефтяное производство Апшеронскаго полуострова достигло, по истинѣ, громадныхъ размѣровъ. Въ 1890 году, по оффиціальнымъ отчетамъ Закавказскаго акцизнаго вѣдомства, добыто всего нефти на Апшеронскомъ полуостровѣ—239 милліоновъ пудовъ, т.-е. почти то же количество, что во всей Пенсильваніи (258 милліоновъ пудовъ).

А въ 1877 году, по словамъ профессора Менделѣева, количество не только бакинской, но и всей нашей нефти вообще было *въ 15 разъ менѣе* американской.

Вѣроятно, въ прошломъ 1891 году добыча Апшеронскаго полуострова уже сравнилась съ пенсильванскою, такъ какъ она растетъ съ каждымъ годомъ въ прогрессіи, несравненно болѣе быстрой, чѣмъ въ Пенсильваніи. Еще въ 1877 году вся добыча Апшеронскаго полуострова не превосходила 12 милліоновъ пудовъ, между тѣмъ какъ въ Пенсильваніи она уже и

тогда равнялась 116½ милліонамъ. Точно съ такою же изумительною быстротою растетъ у насъ и количество буровыхъ скважинъ.

Въ 1877 году, когда профессоръ Менделѣевъ издавалъ свою извѣстную книгу *„О нефтяной промышленности“*, въ Баку и на Кубани вмѣстѣ считалось не болѣе 30—40 буровыхъ скважинъ. Еще въ 1885 г. ихъ было всего 194, а въ 1890 г. уже 360! Еще 4 года тому назадъ, въ 1888 году, на буреніе скважинъ затрачивалось только 850.000 руб. и пробуравлено было только 5.000 сажень, а въ 1890 году цифра эта поднялась уже до 2½ милліоновъ рублей, а количество буравленныхъ сажень почти до 15.000 [1]). Въ 1891 году прибавилось много новыхъ скважинъ, и изъ нихъ нѣкоторыя поразительной силы. Кромѣ извѣстнаго фонтана, который я посѣтилъ, и о которомъ я говорилъ выше, въ настоящую минуту, когда я пишу эти строки, на промыслахъ Тагіева, по словамъ газетъ, открылся фонтанъ небывалаго еще обилія,—выбрасывающій струею въ аршинъ толщины не менѣе 500.000 пудовъ въ сутки. Вообще же средняя годовая производительность буровыхъ скважинъ Апшеронскаго полуострова 664.000 пудовъ, хотя многія скважины даютъ болѣе милліона пудовъ въ годъ (такихъ теперь 32), а нѣкоторыя даже болѣе 2 милліоновъ (такихъ 18).

Изъ всей массы добываемой на Апшеронскомъ полуостровѣ нефти керосину приготовляется около 67½ милліоновъ пудовъ и смазочныхъ маслъ свыше 4½ милліоновъ (въ 1890 г.), а большая часть нефти эксплоатируется въ видѣ нефтяныхъ остатковъ для топлива (свыше 97 милліоновъ пудовъ). Сбываются всѣ эти продукты гораздо болѣе по Каспійскому морю (около 119 милліоновъ пудовъ), чѣмъ по желѣзной дорогѣ (свыше 57 милліоновъ пудовъ), изъ чего можно заключить, что Россія является все-таки болѣе крупнымъ потребителемъ Бакинскихъ нефтя-

[1]) Средняя цѣна буренія 1 сажени на Апшеронскомъ полуостровѣ считается 170 руб. сер., средняя глубина скважинъ въ 1889 году была 95 саж. (ранѣе же, въ 1885 г.—только 60 саж.).

ныхъ продуктовъ, чѣмъ Европа и другія чужеземныя страны, такъ какъ огромное большинство этихъ продуктовъ, принимаемыхъ желѣзною дорогою, идетъ въ Батумскій портъ и оттуда развозится въ разныя государства Европы.

Такъ, напр., Батумскій портъ отпустилъ въ 1890 году свыше 37 милліоновъ пудовъ нефтяныхъ продуктовъ. Замѣчательно, что Каспійскимъ моремъ, т.-е. въ Россію, направляется сравнительно мало керосина и смазочныхъ маслъ (23½ милліона пудовъ) и много нефтяныхъ остатковъ (около 89 милліоновъ пудовъ), по Закавказской желѣзной дорогѣ, т.-е. черезъ Батумъ за границу, главнымъ образомъ идетъ именно керосинъ и смазочныя масла (свыше 48 милліоновъ изъ 57), а нефтяныхъ остатковъ сравнительно очень мало (немного болѣе 8 милліоновъ пудовъ). Это обстоятельство находится, вѣроятно, въ зависимости отъ дешевизны топлива, именно каменнаго угля за границею, и дороговизны осветительныхъ и вообще маслянистыхъ матеріаловъ, которые въ Россіи сравнительно гораздо дешевле и при томъ же, при скромности русскаго простонароднаго быта, требуются у насъ не въ такомъ огромномъ количествѣ.

Вообще же нашъ Бакинскій нефтяной районъ еще далеко не одолѣлъ Пенсильванію на международномъ рынкѣ. При равной почти производительности, Америка вывезла въ 1890 году 148 милліоновъ пудовъ нефтяныхъ продуктовъ, между тѣмъ какъ мы изъ Баку и Батума вывезли въ томъ же году только 37½ милліоновъ пудовъ!

Говоря о русской нефтепромышленности, нельзя не вспомнить о тѣхъ услугахъ, какія оказалъ ей нашъ извѣстный ученый, а главное, умный химикъ — профессоръ Менделѣевъ. Хотя здѣсь, въ Баку, далеко не всѣми признаются его заслуги, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что его статьи, рѣчи и книги внесли много свѣта въ эту важнѣйшую отрасль нашей промышленности. Онъ очень рано началъ проповѣдовать необходимость разумныхъ пріемовъ въ дѣлѣ добыванія и обработки нефти. Онъ еще въ 1863 году совѣтовалъ Кокореву и другимъ основателямъ первыхъ Бакин-

скихъ заводовъ — перекачивать нефть по трубамъ вмѣсто перевозки ея бурдюками и бочками; онъ своимъ авторитетнымъ голосомъ много содѣйствовалъ уничтоженію откуповъ на добычу нефти, онъ многихъ ознакомилъ съ американскими усовершенствованными способами добычи и обработки нефти и настойчиво занимался химическими работами надъ нею.

Правда, менделѣевская теорія происхожденія нефти черезъ окисленіе просачивающеюся водою углеродистаго желѣза земной внутренности не болѣе, какъ гипотеза, и другіе ученые авторитеты не соглашаются допустить постояннаго образованія нефти внутри земли, не считаютъ ея запасовъ неизсякаемыми, а предполагаютъ, напротивъ, что это есть сбереженіе, накопленное тысячелѣтіями, которое нужно поэтому расходовать осмотрительно. Правда и то, что опытъ не оправдалъ нѣкоторыхъ предсказаній Менделѣева: онъ утверждалъ, напр., что устройство заводовъ, обрабатывающихъ нефть, должно быть далеко отъ мѣста ея добычи, въ мѣстахъ болѣе торговыхъ, болѣе богатыхъ топливомъ и рабочими силами, что невозможно браться одному и тому же предпринимателю за добычу и за обработку нефти, за перевозку ея и за торговлю ею. Жизнь показала, что заводы въ Баку могутъ работать съ большою выгодою, что Нобель, Тагіевъ или Шибаевъ въ одно и то же время отлично могутъ быть и владѣльцами буровыхъ скважинъ, и хозяевами очень сложныхъ и усовершенствованныхъ заводовъ для обработки нефти, и перевозчиками ея въ своихъ пароходахъ и вагонахъ, и торговцами ею въ своихъ громадныхъ складахъ въ Царицынѣ, Батумѣ и другихъ мѣстахъ.

Но все-таки въ общемъ профессоръ Менделѣевъ сильно посодѣйствовалъ распространенію среди узкихъ коммерческихъ взглядовъ на эксплоатацію этого великаго природнаго богатства Закавказья того убѣжденія, что «безъ свѣточа науки», какъ удачно выразился онъ въ своей книгѣ, «и съ нефтью будутъ потёмки!»

То, что сдѣлалъ Нобель для практики дѣла, то самое сдѣлалъ

# Часть II.

# ВЪ ТУРКМЕНІИ.

## I.

### На Каспіи.

Мы должны были отплыть въ Узунъ-Ада на почтовомъ пароходѣ общества Кавказъ и Меркурій *Князь Барятинскій*. Пароходъ отходилъ въ 7 часовъ вечера, и мы, съ помощью носильщиковъ Персовъ и извозчиковъ Татаръ, перекочевали на пароходъ еще совсѣмъ засвѣтло.

Пристань общества Кавказъ и Меркурій — самая обширная изо всѣхъ пристаней Баку; пароходы подходятъ къ ней вплотную, такъ что избѣгается всегда непріятный переѣздъ по морю на яликахъ. Вообще это общество стоитъ безспорно въ главѣ Каспійскаго и Волжскаго пароходства по числу и удобству своихъ пароходовъ, по точности своихъ рейсовъ. Правительство заключило контрактъ съ этимъ обществомъ на содержаніе почтоваго сообщенія по всѣмъ линіямъ Каспійскаго моря и Волги, такъ что общество это является своего рода привилегированнымъ и, такъ сказать, полуоффиціальнымъ.

Мы съ женой стояли на палубѣ и любовались незамѣтно отодвигавшимся отъ насъ городомъ. Южная ночь падала непри-

вычно быстро для сѣвернаго глаза, и весь берегъ начиналъ мигать, будто роями свѣтящихся мошекъ, безчисленными огоньками. Особенно густо переливали эти огни въ поясѣ заводовъ, тѣсною толпой охватившихъ берегъ справа, и цѣликомъ отражавшихся вмѣстѣ со всѣми этими миріадами трепещущихъ огоньковъ въ темныхъ омутахъ моря. «Черный Городокъ» превратился въ настоящій огненный городъ. Съ пристани Нобелевскаго завода долго впивалась въ насъ, будто глазъ циклопа, преслѣдующій бѣглецовъ, яркая звѣзда электрическаго фонаря, то нервно вспыхивавшая лихорадочнымъ синевато-бѣлымъ свѣтомъ, то вдругъ хмурившаяся чуть не до слѣпоты...

Красноватый огонь маяка, зажженный высоко на Дѣвичьей Башнѣ, казался, сравнительно съ этимъ безплотнымъ свѣтомъ, какимъ-то тусклымъ масляннымъ ночникомъ. Все короче собираются въ кучу огни берега, все виднѣе и шире выступаютъ темныя очертанія Апшеронскаго полуострова на сѣверѣ и гористые мысы на югѣ отъ исчезающаго города.

Мы покидаемъ этотъ глубоко азіатскій берегъ Кавказа, издревле залитый волной Персидскаго населенія и магометанской цивилизаціи, такъ рѣзко непохожій своими безжизненными желтыми холмами на цвѣтущіе природные сады Сухумскаго и Батумскаго побережья Кавказа, всегда широко открытого народамъ Европы, стариннаго обиталища Эллина, Римлянина, Итальянца...

---

Мы покидаемъ Баку, этотъ недавно еще пустынный городишко на пустынныхъ берегахъ пустыннаго моря, одиноко хранившій въ себѣ съ сѣдой древности мрачный культъ подземнаго огня...

Еще въ молодости моей Баку только и знали по его оригинальному храму огнепоклонниковъ...

Теперь этотъ храмъ покинутъ, и жрецы его разсѣялись по лицу земному. Теперь онъ не нуженъ больше и больше не интересенъ.

И въ самомъ дѣлѣ, что́ значилъ бы этотъ жалкій крошечный храмикъ съ его пятью, шестью дырочками земными теперь, когда весь городъ Баку, вся его многоверстная окрестность, и даже тѣ города, которые имѣютъ дѣло съ нимъ, и Батумъ, и Астрахань, и Царицынъ,—все обратилось въ одинъ громадный храмъ подземнаго огня, а тысячи жителей ихъ въ страстныхъ огнепоклонниковъ, фанатическихъ жрецовъ огненнаго культа, живущихъ этимъ даровымъ священнымъ пламенемъ, черпающихъ въ этихъ безчисленныхъ отверстіяхъ земныхъ свое счастіе и силу... Это уже не тѣ наивные и не практическіе жрецы, что́ двигались здѣсь когда-то, полуголые, изсохшіе, какъ скелеты, безплодно оберегая безплодныя сокровища Плутона, а ловкіе житейскіе мудрецы, съумѣвшіе разрѣшить нѣкогда неразрѣшимую задачу алхимиковъ и превратившіе огонь въ золото...

Такимъ смѣлымъ наслѣдникамъ поневолѣ уступили свое мѣсто скромные ветхозавѣтные жрецы огня...

---

Вотъ мы прошли островъ На́ргинъ съ вращающимися огнями маяка, прошли еще нѣсколько острововъ и очутились уже совсѣмъ въ открытомъ морѣ. Берега Кавказа только чуятся въ туманахъ ночи, среди которыхъ не перестаетъ глядѣть на насъ далекій глазъ Апшеронскаго маяка.

Публика не уходитъ съ палубы. Ночь тихая и ясная, море хотя и несется на встрѣчу суровою необхватною рябью, но не тряхнетъ, не качнетъ парохода. Мѣсяцъ красиво серебритъ всю эту широко движущуюся, искрящуюся тьмой и свѣтомъ, черносинюю чешую чудовища-моря.

Насъ всѣхъ развлекаютъ теперь встрѣчи пароходовъ и кораблей. Вотъ впереди, какъ разъ у носа, сверкнулъ вдали огонекъ; звонки, вахта бросается къ своимъ мѣстамъ, раздается команда капитана держать румбъ направо, налѣво, и не успѣешь оглянуться, какъ черный колоссъ, скрипя мачтами, пыхтя черными трубами, обвѣшанный красными и бѣлыми фонарями, проно-

сится мимо, рѣзко вырисовываясь силуэтами своихъ снастей на освѣщенномъ небѣ.

А то вдругъ затемнѣетъ вдали, среди пустыни водъ, громоздкій, какъ башня, весь до макушки унизанный парусами, идущій по вѣтру корабль... И всѣ ждутъ его, всѣ провожаютъ его глазами, пока онъ не затушуется тѣнями ночи, и стараются угадать, откуда онъ, и чей, и зачѣмъ идетъ.

И всѣхъ изумляетъ эта непостижимая точность, съ которою моряки направляютъ свои суда среди безбрежнаго движущагося моря по одной и той же линіи, словно по большой дорогѣ, окопанной рвами и обсаженной деревьями.

А луна между тѣмъ поднимается все выше и разгорается все ярче. Мы теперь прямо бѣжимъ на нее. Туманы моря и туманы неба слились впереди, подъ самою грудью парохода, въ одну серебристую бездну, пропитанную лучами мѣсяца, — и на этомъ фантастическомъ фонѣ вырѣзаются черные силуэты трубъ парохода и обвѣшанныхъ реями мачтъ...

Чудится будто могучій пароходъ неудержимо стремится въ какую-то сотканную изъ свѣта сказочную пустоту...

---

Утро такое же чудное, какъ и ночь. Съ высоты своей рубки я оглядываю публику 3-го класса, уютно размѣстившуюся на палубѣ. Тутъ «такая смѣсь одеждъ и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній!» Интереснѣе всѣхъ для меня персы. Вотъ одинъ какого-то темно-желтаго, какъ имбирь, цвѣта, съ бородкой тщательно раскрашенною, тщательно подрѣзанною кругло, какъ тарелка, полулежитъ на многомъ множествѣ опрятныхъ подушекъ, тюфячковъ, одѣялъ и ковриковъ, какъ всегда любятъ покояться персы и турки даже во время своихъ переѣздовъ. Предъ нимъ сидятъ кружкомъ 5 или 6 его женъ съ лицами, затянутыми наглухо бѣлымъ полотномъ, и среди нихъ хорошенькій глазатый юноша лѣтъ 14—15. Старый персъ недовольно хмурится на мои пристально устремленные взоры и поминутно ревниво оглядывается на свой походный сераль.